АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

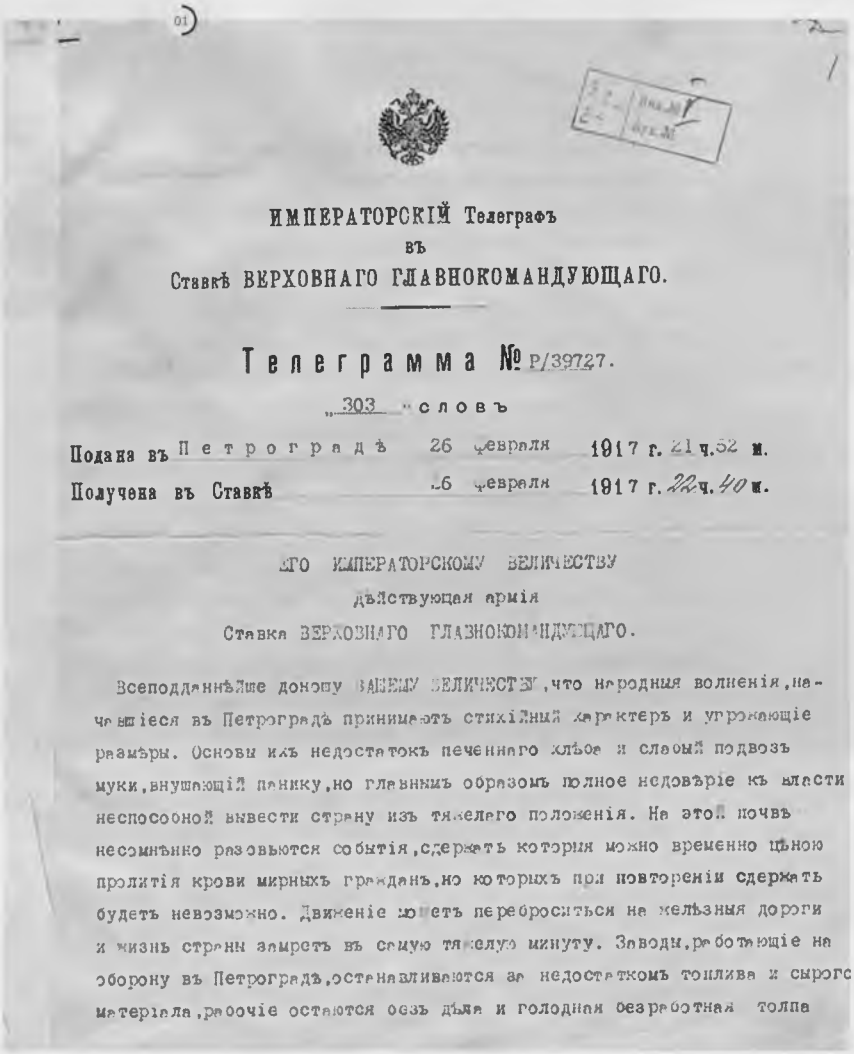

I. ПРИРОДА БЕСКРОВНОЙ (23–27 ФЕВРАЛЯ 1917)

Три монархиста, порешившие Распутина для спасения короны и династии, вступили уверенными ногами на ту зыбь, которою так часто обманывает нас историческая видимость: последствия наших самых несомненных действий вдруг проявляются противоположно нашим ожиданиям. Казалось, худшие ненавистники российской монархии не могли бы в казнь ей придумать язвы такой броской, как фигура Распутина. Такого изобретательного сочетания, чтоб именно русский мужик позорил именно православную монархию и именно в форме святости. Читающая публика и нечитающий народ по-своему были разбережены клеветой о троне и даже об *измене* трона.

Но стерев эту язву — только дали неуклонный ход дальнейшему разрушению. Убийство, как действие предметное, было замечено куда шире того круга, который считался общественным мнением, — среди рабочих, солдат и даже крестьян. А участие в убийстве двух членов династии толкало на вывод, что слухи о Распутине и царице верны, что вот даже великие князья вынуждены мстить за честь Государя. А безнаказанность убийц была очень замечена и обернулась темным истолкованием: либо о полной правоте убийц, либо что наверху правды не сыщешь, и вот государевы родственники убили единственного мужика, какому удалось туда пробраться. Так убийство Распутина оказалось не жестом, охраняющим монархию, но первым выстрелом революции, первым реальным шагом революции — наряду с земгоровскими съездами в тех же днях декабря. Распутина не стало, а недовольство брызжело — и значит, на кого теперь, если не на царя?

А еще было то, как будто не крупное, последствие убийства, что Верховный Главнокомандующий российскими имперскими силами покинул Действующую армию на девять недель. (Так сбылось и расчетливое предсказание тобольского чудотворца, что без него династия погибнет: от смерти его и до этой гибели только и протянулись десять недель.)

ИМПЕРАТОРСКІЙ Телеграфъ
въ
Ставкѣ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Телеграмма № Р/39727.

„303 „ словъ

Подана въ Петроградѣ 26 февраля 1917 г. 21 ч. 52 м.
Получена въ Ставкѣ 26 февраля 1917 г. 22 ч. 40 м.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
действующая армія
Ставка ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Всеподданнѣйше доношу ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что народныя волненія, начавшіеся въ Петроградѣ принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе размѣры. Основы ихъ недостатокъ печенаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающій панику, но главнымъ образомъ полное недовѣріе къ власти неспособной вывести страну изъ тяжелаго положенія. На этой почвѣ несомнѣнно разовьются событія, сдержать которыя можно временно цѣною пролитія крови мирныхъ гражданъ, но которыхъ при повтореніи сдержать будетъ невозможно. Движеніе можетъ перебросится на желѣзныя дороги и жизнь страны замретъ въ самую тяжелую минуту. Заводы, работающіе на оборону въ Петроградѣ, останавливаются за недостаткомъ топлива и сырого матеріала, рабочіе остаются безъ дѣла и голодная безработная толпа

Все рядовые жизненные случайности, попав под усиленное историческое внимание, начинают потом казаться роковыми. Не было никакой связи между семейным решением о возврате Государя в Ставку и хлебными беспорядками в Петрограде, начавшимися точно на следующий день. (Разве только малая та, что, не слишком бы погрузясь в скорбь императрицы и больше внимания уделяя государственным занятиям, например работе с Риттихом, монарх мог бы за два месяца предупредить эти хлебные перебои.) Не было и связи с микробами кори, уже нашедшими горла царских детей, — однако, уехавши в Ставку с отцом, Алексей заболел бы в Могилеве, а не в Царском, и ото всего того сильно бы переменилось расположение привязанностей и беспокойств, открывая возможности иного хода российских событий.

Рассмотрение исторических вариантов иногда позволяло бы нам лучше охватить смысл происшедшего. Художники могли бы пытаться в развилках истории, с мерой доступной им убедительности, продвигаться также и по тропам, не выбранным историей, углубляя наше понимание событий повествованием с вариантным сюжетом. Но ученые запретили нам *conditionalis* в рассказах о прошлом, и мы не будем задаваться вопросом, что было бы, если бы Государь задержался в Царском Селе на 23 и 24 февраля. Единственно: что тогда Протопопов не мог бы так долго и с такой легкостью морочить Государя о событиях, и какие бы решения ни были бы приняты — они лежали бы прямо на царских плечах.

Но нет, почти в те часы, когда начинали бить хлебные лавки на Петербургской стороне, царь уе-

02

хал из-под твердого крыла царицы — беззащитным перед самым ответственным решением своей и российской жизни.

И к тем же дням, так же роково, возвратился в Ставку больной расслабленный генерал Алексеев, сменив огневого генерала Гурко.

И наконец, почему не дошли до Государя три отчаянных телеграммы императрицы 27 февраля, кем перехвачены? Те перехватчики, лишившие Государя знания в самый опасный день, может быть больше склонили судьбу России, чем целый красный корпус в Гражданскую войну.

А сколько-нибудь внимательно вдумываясь бы в состояние столицы, никак нельзя бы остаться в январские и февральские недели беспечным. Никак бы не отговориться, что Февральская революция грянула неожиданно. О созревании революционной обстановки недремлющее Охранное отделение доносило и своевременно, и в полноте, — доносило больше, чем правительство способно было усвоить и принять к решению. Правительственным кругам отлично было известно бедоносное состояние петроградского гарнизона, неразумно обремененного полутора сотнями тысяч солдат, призванных без надобности раньше времени, все еще не вооруженных, не обученных и даже не обучаемых, немыслимо густо скопленных в неподходящей для того столице, подверженных томлению, бездеятельности, разложению и прислушиванию к революционной агитации. Про дивизию, в 1915 году целиком набранную из петроградских жителей, на фронте была шутка: «санкт-петербургское беговое общество». А гвардия, в японскую войну вся целиком простоявшая в Петрограде и удержавшая его в 1905 от революции, теперь была на две трети уже перемолота на самых гиблых направлениях фронта. Не новостью было для правительства и забастовочное движение на заводах, уже второй год подкрепляемое неопознанными деньгами для анонимных забастовочных комитетов и не перехваченными агитаторами. На революционную агитацию десятилетиями смотрело правительство Николая II как на неизбежно текущее, необоримое, да уже и привычное, зло. Никогда в эти десятилетия правительство не задалось создать свою противоположную агитацию в народе, разъяснение и внедрение сильных мыслей в защиту строя. Да не только рабочим, да не только скученным темным солдатам-крестьянам правительство, через никогда не созданный пропагандный аппарат, никогда не пыталось ничего разъяснить, — но даже весь офицерский корпус зачем-то оберегало девственно-невежественным в государственном мышлении. Вопреки шумным обвинениям либеральной общественности правительство крайне вяло поддерживало и правые организации, и правые газеты, — и такие рыцари монархии, как Лев Тихомиров, захиревали в безвестности и бессилии. И не вырастали другие.

Правда: и революционеры были готовы к этой удивительной революции не намного больше правительства. Десятилетиями наши революционные партии готовили только революцию и революцию. Но, сильно раздробленные после неудач 1906 года, затем сбитые восстановлением российской жизни при Столыпине, затем взлетом патриотизма в 1914 году, — они к 1917 оказались ни в чем не готовы и почти не сыграли роли даже в подготовке революционного настроения (только будоражили забастовки) — это

01
Телеграмма председателя Госдумы М. Родзянко Николаю II о беспорядках в Петрограде. 26 февраля 1917 года

02
Петроград. Февраль 1917 года. Баррикады у здания Арсенала.

все сделали не социалистические лозунги, а Государственная Дума, это ее речи перевозбудили общество и подготовили к революции. А явилась революция как стихийное движение запасных батальонов, где и не было регулярных тайных солдатских организаций. В совершении революции ни одна из революционных партий не проявила себя, и ни единый революционер не был ранен или оцарапан в уличных боях — но с тем большей энергией они кинулись захватывать добычу, власть в первые же сутки и вгонять совершившееся в свою идеологию. Чхеидзе, Скобелев и Керенский возглавили Совет не как лидеры своих партий (они были даже случайны в них), но как левые депутаты Думы. Так революция началась без революционеров.

Все было подготовлено без сокрытий, по наружности, а правительство бездеятельно мирилось с открытыми поношениями себя в прессе — это в военное время! — и с открытыми злобными атаками радикалов в Думе и вне ее. Ни одна газета не была ни на день закрыта. Милюков с думской трибуны клеветнически обвинил императрицу и премьер-министра в государственной измене, — его даже не исключили с одного думского заседания, не то чтоб там как-то преследовать. Декабрьские съезды Земгора провозглашали резолюции о той же измене правительства и свержении его, — и ни один участник не был задержан даже на полчаса. И вся эта ложь, как хлопья сажи, медленно кружилась и опускалась, и опускалась на народное сознание, наслаивалась на нем — вместе с темными «распутинскими» слухами — из тех же сфер великосветья и образованности.

Чего нельзя было даже прописнуть в России до Семнадцатого года — теперь мы можем прохрипеть устало: что российское правительство почти не боролось за свое существование против подрывных действий.

В февральские дни агитаторы камнями и угрозами насильственно гнали в забастовку рабочих оборонных заводов — это во время войны! — и задержано было их десятка два, но ни один не только не расстрелян — даже не предан суду — да даже через несколько часов все отпущены на волю, агитировать и дальше. (Доклад начальника департамента полиции Васильева, что в ночь на 26-е он успешно арестовал 140 зачинщиков, — чиновная ложь, только революция потом раздувала это донесение. Арестовали — 5 большевиков, петербургский комитет, среди них сестру Ленина Анну Елизарову и вскоре знаменитого Подвойского.)

Хлеб? Но теперь-то мы понимаем, что сама по себе хлебная петля не была так туга, чтоб задушить Петроград, ни тем более Россию. Не только голод, а даже подлинный недостаток хлеба в Петрограде в те дни еще не начинался. По нынешним представлениям — какой же это был голод, если достоялся в очереди — и бери этого хлеба, сколько в руки возьмешь? А на многих заводах администрация вела снабжение продуктами сама — там и очередей хлебных не знали. А уж гарнизон-то вовсе не испытывал недостатка в хлебе. А решил все дело он.

Такие ли перебои в хлебе еще узнает вся Россия и тот же Петроград — и стерпят? Теперь-то мы знаем, что этот же самый город в войне против этой же самой Германии безропотно согласился жить — не одну неделю, но год — не на два фунта хлеба в день, а на треть фунта — и без всех остальных продуктов, широко доступных в феврале Семнадцатого, и никакая революция не шевельнулась. А в 1931 и города хлебородного Юга жили и жили на полфунта, без всякой войны! — и тоже сошло. Теперь-то мы знаем, что никакой голод не вызывает революции, если поддерживается национальный подъем или чекистский террор, или то и другое вместе. Но в феврале 1917 не было ни того, ни другого — и хлеб подай! Тогда были другие представления о сытости и голоде.

°3
Петроград. Февраль 1917 года. Полиция охраняет «хвост» — очередь за хлебом.

Для зарождения паники нужен только критический минимум слухов — а их сошлось больше. Одним только слухом, что будут продавать по фунту в день на человека, рабочие окраины были сотрясены больше, чем всей предыдущей революционной пропагандой партий. (Установлено, что часть петроградских пекарей продавала муку в уезд, где она дороже, — а немало петроградских пекарей вскоре станет большевиками.) И снимались на стачку даже такие заводы, где своя выпечка хлеба была поставлена безукоризненно.

Разрушительный толчок от слухов может произойти при всяком правительстве, во всяком месте страны. Но только слабое правительство от него падает. (Много слухов возникало и в советско-германскую войну, но при неуклонности власти ничто не сотряслось.) Российское правительство ни силою властных действий, ни психологически не управляло столичным населением.

Да в последние месяцы оно уже не верило и само себе и не верило ни в одно из своих действий, тем более в дни самих событий не соображало ни срочности, ни важности, ни возможности своих мер. Телефонная станция под правитель-

°4
Восставшие солдаты лейб-гвардии Волынского полка идут с транспарантами к Таврическому дворцу.

ственной защитой все часы революции обслуживала город. Думу и революционеров! — и не только не умели узнать их намерения, но даже не догадывались отключить их и разобщить. Наступала ночь — революционные силы расходились по домам, а власти и не пытались действовать энергично — но передыхали ночь в робкой надежде, что с утра этот кошмар не повторится. От прежней костенеющей самоуверенности они впали в лихорадочную неуверенность. Сперва волнения все казались несерьезными, улягутся сами — и вдруг бесконтрольно перескользнули в революцию.

Революция — это хаос с невидимым стержнем. Она может победить и никем не управляемая.

По донесениям Хабалова, Протопопова и Беляева в Ставке долго нельзя было угадать, что власти лишились средств подавления, а казаки изменили правительству. В Волынском батальоне, где все и началось, офицеры даже не были переведены на казарменное положение, ночевали дома, патроны солдатам выдавались без них. А начался бунт — волынским офицерам даже не велели остановить свой батальон. Вечером 27 февраля, когда Таврический остался обнажен, беззащитен, — Хабалов, имея силы, не пытался овладеть им, а обсуждал, не пробиваться ли в Царское Село, куда он вообще мог выйти свободно. (За все дни он проявил находчивость один только раз: когда, уже арестованного, его привезли в Таврический, он сказался чужим именем, казачьим генералом в отпуску, и был поначалу отпущен. Единственная такая изобретательность, кроме еще митрополита Питирима.)

Охранный расчет требовал для Петрограда 60 тысяч верных правительственных сил. В февральские дни полицейские силы вместе с учебными командами запасных батальонов и изменившими казаками составляли всего 12 тысяч — а по сути боеспособными только и оказались полиция (все-

го 3500) и жандармерия, они и защищали режим, не желавший себя защищать. Но полиция была не только малочисленна, а и плохо вооружена: только револьверы и шашки, ни даже винтовок, ни скорострельного оружия, ни взрывчатых или дымовых средств. (Сперва напуганная молва, затем безответственная февральская пресса сколотили легенду, будто полиция была переодета в солдат и вооружена пулеметами, и расстреливала ими толпу с чердаков. Но такая стрельба, в военном отношении и бессмысленная, нигде никем в Петрограде не велась, и ни один такой пост и ни один пулемет не были обнаружены за все дни, а полиция и вовсе пулеметов не имела и не обучена была из них стрелять — это все помнилось толпе от беспорядочной собственной стрельбы и рикошетов — и так слепилась неразборчивая сплетня.)

Но не было у власти и притока добровольцев, добровольных защитников, это очень характерно. Кроме полковника Кутепова, нескольких офицеров-московцев, самокатного батальона и кроме невольных жертв мятежа — никто в Петрограде не отличился защитой трона, а тем более не имел успеха. (А в Москве еще хуже.) Молодежь из военных училищ? — ее не позвали на помощь (и дальше штаб округа спешил растелефонировать приказы на сдачу всем офицерам и юнкерам, кто и хотел бы сопротивляться). Не позвали на помощь — но, заметим, училища и не ринулись сами, как бессмертный толедский Альказар 1936 года. В феврале 1917 никто у нас не пытался устроить русский Альказар — ни в Петропавловке, ни в Адмиралтействе и ни в каком училище. В Николаевском — было движение, но не развилось (в Павловском — еще слабей).

А монархические организации? — да не было их серьезных, а тем более способных к оружию: они и перьями-то не справлялись, куда оружие. А Союз русского народа? Да все дуто, ничего не существовало. Но — обласканцы трона, но столпы его, но та чиновная пирамида, какая сверкала в государственном Петербурге, — что ж они? почему не повалили защитной когортой? стары сами, так твердо воспитанные дети их? Э-ге, лови воздух, они все умели только брать. Ни один человек из свиты, из Двора, из правительства, из Сената, из столбовых князей и жалованных графов, и никто из их золотых сынков, — не появился оказать личное сопротивление, не рискнул своею жизнью. Вся царская администрация и весь высший слой аристократии в февральские дни сдавались как кролики — и этим-то и была вздута ложная картина единого революционного восторга России. (Не единственный ли из чинов генерал Баранов оказал сопротивление при *своем* аресте? — так это особо и было отмечено «Известиями Совета рабочих депутатов».)

Монархисты в эмиграции потом десятилетиями твердили, что все предали несчастного Государя и он остался один как перст. Но прежде-то всего и предали монархисты: все сподряд великие князья, истерический Пуришкевич, фонтанирующий Шульгин, сбежавшие в подполье Марков и Замысловский, да и газета-оборотень «Новое время». Даже осуждения перевороту — из них не высказал открыто никто.

Но чего ж тогда, правда, стоила эта власть, если никто не пытался ее защищать?

До нынешних лет в русской эмиграции сохранена и даже развита легитимистская аргументация, что наш благочестивый император в те дни был обставлен ничтожными людьми и изменниками. Да, так. Но: и не его ли это главная вина? Кто ж эти все ничтожества избрал и назначил, если не он сам? На что ж употребил он 22 года своей безраздельной власти? Как же можно было с такой поразительно последовательной слепотой — на все государственные и военные посты изыскивать только худших и только ненадежных? Именно этих всех изменников — избрать и возвысить? Совместная серия таких назначений не может быть случайностью. За крушение корабля — кто отвечает больше капитана?

Откуда эта невообразимая растерянность и непригодность всех министров и всех высших военачальников? Почему в эти испытательные недели России назначен премьер-министром — силком, против разума и воли — отрекающийся от власти неумелый вялый князь Голицын? А военным министром — канцелярский грызун Беляев? (Потому что оба очаровали императрицу помощью по дамским комитетам.) Почему главная площадка власти — Министерство внутренних дел — отдана психопатическому болтуну, лгуну, истерику и трусу Протопопову, обезумевшему от этой власти? На петроградский гарнизон, и без того уродливый, бессмысленный, — откуда и зачем вытащили генерала Хабалова, полудремлющее бревно, бездарного, безвольного, глупого? Почему при остром напряжении с хлебом в столице — его распределение поручено безликому безответственному Вейсу? А столичная полиция — новичку из Варшавы? Сказать, что только с петроградским военачальником ошиблись, — так и в Москву был назначен такой же ничтожный Мрозовский. И по другим местам Империи были не лучше того коман-

°5
Воззвание Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. 27 февраля 1917 года.

05

ВОЗЗВАНІЕ

Исполнительнаго Комитета представителей рабочихъ и солдатъ.

Граждане!

Засѣдающіе въ Государственной Думѣ представители рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда объявляютъ, что

Первое засѣданіе этихъ представителей состоится сегодня 27 Февраля вечеромъ въ помѣщеніи Гос. Думы.

Всѣмъ, перешедшимъ на сторону народа войскамъ, немедленно избрать своихъ представителей по одному на каждую роту.

Заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу.

Заводы, имѣющіе менѣе тысячи рабочихъ, избираютъ по одному депутату

27-го февраля 1917 г.

Временный исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

дующие округами (Сандецкий, Куропаткин) и губернаторы. Но и штабом Верховного и всеми фронтами командовали и не самые талантливые и даже не самые преданные своему монарху. (Только на флоты незадолго стали блистательные Колчак и Непенин, два самых молодых адмирала Европы, — но и то оказался второй упоен освобожденческими идеями.) И надо же иметь особый противодар выбора людей, чтобы генералом для решающих действий в решающие дни послать Иудовича Иванова, за десятки императорских обедов не разглядев его негодности. Противодар — притягивать к себе ничтожества и держаться за них. (Как и к началу страшной Мировой войны царь застигнут был со своими избранцами — легковесным Сазоновым, пустоголовым Сухомлиновым, которые и вогнали Россию в войну.)

Люди всевозможных качеств никогда не переводятся в огромной стране. Но в иные смутные периоды — лучшим закрываются пути к выдвижению.

Всякий народ вправе ожидать от своего правительства *силы* — а иначе зачем и правительство?

К началу 1917 года российская монархия сохранялась еще в огромной материальной силе, при неисчислимых достояниях страны. И к ведению войны: уже развившаяся военная промышленность, еще небывалая концентрация на фронте отличного вооружения, все ж еще не домолоченный кадровый офицерский состав и — еще никогда не отказавшиеся воевать миллионы солдат. И — для сохранения внутреннего порядка: образ царя твердо стоял в понятии крестьянской России, а для подавления городских волнений не составляло труда найти войска.

Трон подался не материально, материального боя он даже не начинал. Физическая мощь, какая была в руках царя, не была испробована против революции. В 1905 на Пресне подавили восстание более явное — а в Петрограде теперь просто не защищались. Мельгунов правильно пишет: «Успех революции, как показал весь исторический опыт, всегда зависит не столько от силы взрыва, сколько от слабости сопротивления». Еще в XIX веке все авторитеты признали, что всякие уличные революции после 1848 года — кончились, эпоха городских восстаний миновала, современное вооружение государств не дает возможностей толпе выигрывать уличные бои. У власти — телеграф, телефон, железные дороги, пулеметы, артиллерия, броневые автомобили — их можно обслуживать небольшими отрядами верных правительству людей, не вводя в бой крупные войсковые части. Время уличных баррикад как будто навсегда миновало. Но власти в февральском Петрограде действовали вопреки всякому здравому смыслу и законам тактики: не использовали своего контроля над телефоном и телеграфом, не использовали преимуществ ни в каком виде оружия, а свои малые силы не держали в кулаке, но разбросали беззащитно по городу.

Не материально подался трон — гораздо раньше подался дух, и его и правительства. Российское правительство в феврале Семнадцатого не проявило силы ни на тонкий детский мускул, оно вело себя слабее мыши. Февральская революция была проиграна со стороны власти еще до начала самой революции. Тут была и ушибленность Пятым годом, несчастным 9-м января. Государь никогда не мог себе простить того злосчастного кровопролития. Больше всего теперь он опасался применить военную силу против своего народа прежде и больше нужды. Да еще во время войны! — и пролить кровь на улицах! Еще в майский противонемецкий погром в 1915 в Москве приказано было полиции: ни в коем случае не применять оружия против народа. И хотя эта тактика тогда же показала полную беспомощность власти и всесилие стихии — запрещение действовать против толпы оружием сохранилось и до февральских петроградских дней. И в той же беспомощности снова оказались силы власти.

Все предварительные распоряжения столичным начальникам и все решения самих этих дней выводились Государем из отменного чувства миролюбия, очень славного для христианина, но пагубного для правителя великой державы. Оттого с такой легкостью и *бескровностью* (впрочем, в Петрограде несколько сот, а по Союзу городов — и до 1500 убитых, раненых и сошедших с ума, и 4000 арестованных новою властью) удалась Февральская революция — и, о, как еще отдастся нам эта легкость и это миролюбие! (И посегодня отдалось еще не все.)

Династия покончила с собой, чтобы не вызвать кровопролития или, упаси Бог, гражданской войны.

И вызвала — худшую, дольшую, но уже без собирающего тронного знамени.

°6
Потасовка по правилам русской Смуты: масса зевак, а разнять и образумить некому.

ВСЯКИЙ НАРОД ВПРАВЕ ОЖИДАТЬ ОТ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СИЛЫ — А ИНАЧЕ ЗАЧЕМ И ПРАВИТЕЛЬСТВО?

II. КРУШЕНЬЕ В ТРИ ДНЯ (28 ФЕВРАЛЯ — 2 МАРТА 1917)

К

Кто же мог ожидать, кто же бы взялся предсказать, что самая мощная Империя мира рухнет с такой непостижимой быстротой? Что трехсотлетняя династия, пятисотлетняя монархия даже не сделает малейшей попытки к сопротивлению? Такого прорицателя не было ни одного. Ни один революционер, никто из врагов, взрывавших бомбы или только извергавших сатиры, никогда не осмеливались такого предположить. Столетиями стоять скалой — и рухнуть в три дня? Даже в два: днем 1 марта еще никто и не предлагал Государю отрекаться — днем 3 марта отрекся уже не только Николай II, но и вся династия. Кадеты (Милюков на первых дипломатических приемах) признавались иностранцам, что сами ошеломлены внезапностью и легкостью успеха. (Да. Прогрессивный блок и не мечтал и не хотел отводить династию Романовых от власти, они добивались лишь ограничить монархическую власть в пользу высшей городской общественности. Они и самого Николая II довольно охотно оставили бы на месте, пойди он им на серьезные уступки, да чуть пораньше.)

Но с той же хилой нерешительностью, как уже 5 лет, — ни поставить свое сильное умное правительство, ни уступить существенно кадетам, — Государь продолжал колебаться и после ноябрьских думских атак, и после декабрьских яростных съездов Земгора и дворянства, и после убийства Распутина, и целую неделю петроградских февральских волнений, — все надеялся, все ждал, что уладится само, все колебался, все колебался — и вдруг почти без внешнего нажима сам извихнулся из трехсотлетнего гнезда, извихнулся больше, чем от него требовали и ждали.

Монархия — сильная система, но с монархом не слишком слабым.

Быть христианином на троне — да, — но не до забвения деловых обязанностей, не до слепоты к идущему развалу.

В русском языке есть такое слово *зацариться*. Значит: забыться, царствуя.

Парады, ученья, парады любимого войска и цветочные киоски для императрицы на гвардейских смотрах — заслоняли Государю взгляд на страну.

Все царствование Николая II состоит как бы из двух повторенных кругов, каждый по 11 лет. И в пределах каждого круга он имел несчастный дар свести страну из твердого процветающего положения — на край пропасти: в октябре 1905 и в феврале 1917. Все споры российские теперь кипят о втором круге — а ведь в первом все это уже случилось. В своем дремотном царствовании, когда бездействие избирается удобнейшей формой действия, наш роковой монарх дважды поспешествовал гибели России. И это — при лучших душевных качествах и с самыми добрыми намерениями!

После первого гибельного круга послан был ему Богом Столыпин. Единожды в жизни Николай остановил свой выбор не на ничтожестве, как обычно, а на великом человеке. Этот великий человек вытянул из хаоса

*7
Император Николай II в районе Двинска. 1916 год.

и Россию, и династию, и царя. И этого великого человека Государь не вынес рядом с собою, предал.

Сам более всех несчастный своею несилой, он никогда не осмеливался ни смело шагнуть, ни даже смело выразиться. Не то чтобы гнуть по-петровски, но не мог и, как прадед его Николай, входить самому в холерный бунт — и давить, и после холерного госпиталя в поле сжигать свою одежду до белья. В начале германской войны только и мог он бледно повторить Александра I: «Не положу оружия, пока последний вражеский солдат...», а не тряхнуть, как тот: «Скорее бороду отпущу и уйду в Сибирь!». Или как Александр III: «За единственного друга России князя Николая Черногорского!» — вот каковы мы крепки душой! Может быть все предшествующие цари романовской династии были нравственно ниже Николая II, — и конечно Петр, топтавший народную душу, и себялюбивая Екатерина, — но им отпустилось за то, что они умели собою представить необъятную силу России. А кроткий, чистый, почти безупречный Николай II, пожалуй, более всего напоминая Федора Иоанновича, — не прощен тем более, чем, не по месту, не по времени, был он кротче и миролюбивей.

Его обнаженную переписку с женой кинули под ноги миллионам (с кем поступила судьба безжалостней?), и мы лишены возможности не прочесть: «Не надо говорить — у меня крошечная воля. Ты просто чуть-чуть слаб и не доверяешь себе... и немножко склонен верить чужим советам».

В его нецарской нерешительности — главный его порок для русского трона. В таком же непримиримом конфликте с образованным обществом можно было стоять скалою, а он дал согнуть себя и запугать. Не признаваясь, он был внутренне напуган и земством, и Думой, Прогрессивным блоком, либеральной прессой, и уступал им — то само свое самодержавие (осенью 1905), то любимых своих министров одного за другим (лето 1915), все надеясь задобрить ненасытную пасть, — и сам загнал себя в положение, когда не стало кого назначить. Он жил в сознании своей слабости против образованного класса — а это уже была половина победы будущей революции. В августе 1915 он раз единственный стянул свою волю против всех — и отстоял Верховное Главнокомандование, — но и то весьма сомнительное достижение, отодвинувшее его от государственного руля. И на том — задремал опять, тем более не выказывал уменья и интереса управлять энергично самою страной.

Отстоял себя, против всех, Верховное Главнокомандование, — так хотя бы им-то воспользовался в судьбоносные дни! К этим-то дням как раз оно прилегло — лучше не придумать! Его отъезд из Царского Села случайно как раз накануне волнений — не верней ли и понять как Божье дозволение: добраться до Ставки, до силы, до власти? до узла связи, до узла всех приказаний? Нельзя было занять более выгодной позиции против начавшейся петроградской революции!

К вечеру 27 февраля она была выиграна в Петрограде — но только в нем одном. Вся огромная Россия оставалась неукоснительно подчинена своим начальникам и никакой революции ниоткуда не ждала. Вся армия стояла при оружии, готовая выполнить любой ясный замысел своего вождя.

И такой замысел в ту ночь как будто начал осуществляться: посылка фронтовых полков на мятежный запасной небоеспособный гарнизон. Военный успех операции не вызывал сомнений, и было много полков, совсем не доступных агитации разложения, — как не тронулся ж ею Тарутинский полк, уже достигший цели. (Да он в одиночку, пожалуй, если б им руководили, мог осуществить и весь план.)

Но даже и в таком масштабе операция подавления не была необходима. Чтобы петроградские уличные волнения приобрели бы значение общероссийской революции, всего-то надо было: чтобы Россия не перестала эти волнения кормить хлебом, а они Россию — агитацией. Едва сбродился первый случайный состав Совета рабочих депутатов — его первой заботой было: восстановить железнодорожное движение между Москвой и Петроградом. Здесь было их слабое место! — сюда и надо было бить! (Как и предлагал генералу Мрозовскому полковник Мартынов.) Вообразим зоркую и решительную власть: как просто и коротко она бы блокировала этот дальний, уже сам собой невыгодно отрезанный болотный пункт, — совсем не надо и посылать в петроградское кипение никаких войск: отсоединить телеграфные линии, на четырех железных дорогах вынуть по несколько рельсов и на эти места поставить 4 отряда из верных войск — да 444 было таких у Ставки, — и никогда бы жалкие запасники, еще достаточно и оторвавшись от города, не посмели бы атаковать стреляных, атаковав же — проиграли бы. А чуть-чуть затем изменись положение, стань в Петрограде вместо фунта хлеба — полфунта, затем и четвертушка, — и все эти расхлябанные, необученные да и невооруженные запасные батальоны с такой же легкостью отъединились бы от революции, как они к ней присоединились. Верховный Главнокомандующий был вправе объявить *вне закона* мятежный город в военное время — и быстро бы пересохли глотки у ораторов, они

8
Москва. Костюмированная демонстрация в феврале 1917 года. На машине — живая карикатура на Григория Распутина и Александра Протопопова, последнего министра внутренних дел Российской империи.

бы кинулись через финскую границу, а не толкали бы в Действующую армию «приказ № 1».

Правда, и армия жила без продовольственных запасов и зависела целиком от подвоза, — но ей-то никто не мог перерезать.

1 марта «Известия» Совета писали: предстоят еще жестокие схватки между народом и старой властью. Так уверены были все.

А уже — ничего не предстояло: что промелькнуло, не начавшись, — оно и было в с ё .

Сказать, что Государь, находясь и в Ставке, не был подлинным распорядителем своей армии? Что и в Могилеве (как и в Царском) он поставил себя так, что не мог принять великих смелых решений? Был связан и косностью своих штабных и немым сопротивлением Главнокомандующих фронтами?

Да, на всех этих местах — не состояли лучшие генералы, самые верные. Николай II не имел таланта угадывать верных, держать их и сам быть им последовательно верным. Потому и пришлось ему написать — «кругом измена, и трусость, и обман», что он органически не видел верных и храбрых, не умел их позвать. Так и вся его дюжина свиты была как подобрана по безликости и бездарности. Для чего содержится свита? — неужели для заполнения пустого пространства, а не для совета и помощи в трудную минуту? (А Конвой? Что ж за верность оказалась у Конвоя? Тот десяток терских казаков, в своих страшных туземных папахах, побредший на всякий случай отмечаться у Караулова в Думе — зачем они пошли? Просто испугались... Да и все четыре сотни Конвоя после вековой парадной и почетной охраны императоров — как быстро скисли: царскосельские — надели белые повязки, выбрали комитет...)

Однако пока Государь оставался в Ставке — Алексеев покорно выполнил распоряжение о посылке войск и не смел сам искать государственного выхода. Останься Государь и далее в Ставке — посланные войска неуклонно шли бы на Петроград, и никто не запрашивал бы у Главнокомандующих мнения их о необходимости царского отречения.

Ото всего того произошло бы вооруженное столкновение в Петрограде? Если бы восставшие не разбежались — да. Но отдаленнейше не было бы оно похоже на трехлетнюю кровавую гражданскую войну по всем русским просторам, чекистский бандитский разгул, тифозную эпидемию, волны раздавленных крестьянских восстаний, задушенное голодом Поволжье — и полувековой адовый скрежет ГУЛАГа потом.

Измени, отклонись, пошатнись все высшие военачальники? — Государь мог уехать в иное верное место: в армию Гурко, в гущу расположения своей гвардии, на передовую линию, — из этого твердого верного окружения сохраняя возможность проявить свою волю стране.

Наконец, если рок характера — колебаться, — проколебался бы Государь еще двое-трое суток. Выиграй он еще три дня — и до Северо-Западного фронта дошел бы советский «приказ № 1» — и те же самые генералы вздрогнули бы перед бездной — и сами удержали бы царя от отречения. Но нет, в *этом* колебании Государь был быстротечнее, чем когда-либо. Едва услышал об опасности своей семье — и бросил армию, бросил Ставку, бросил пост Верховного — и помчался к семье.

Снова признак чистого любящего сердца. Но какому историческому деятелю его слабость к своей семье зачтена в извинение? Когда речь идет о России — могли б и смолкнуть семейные чувства.

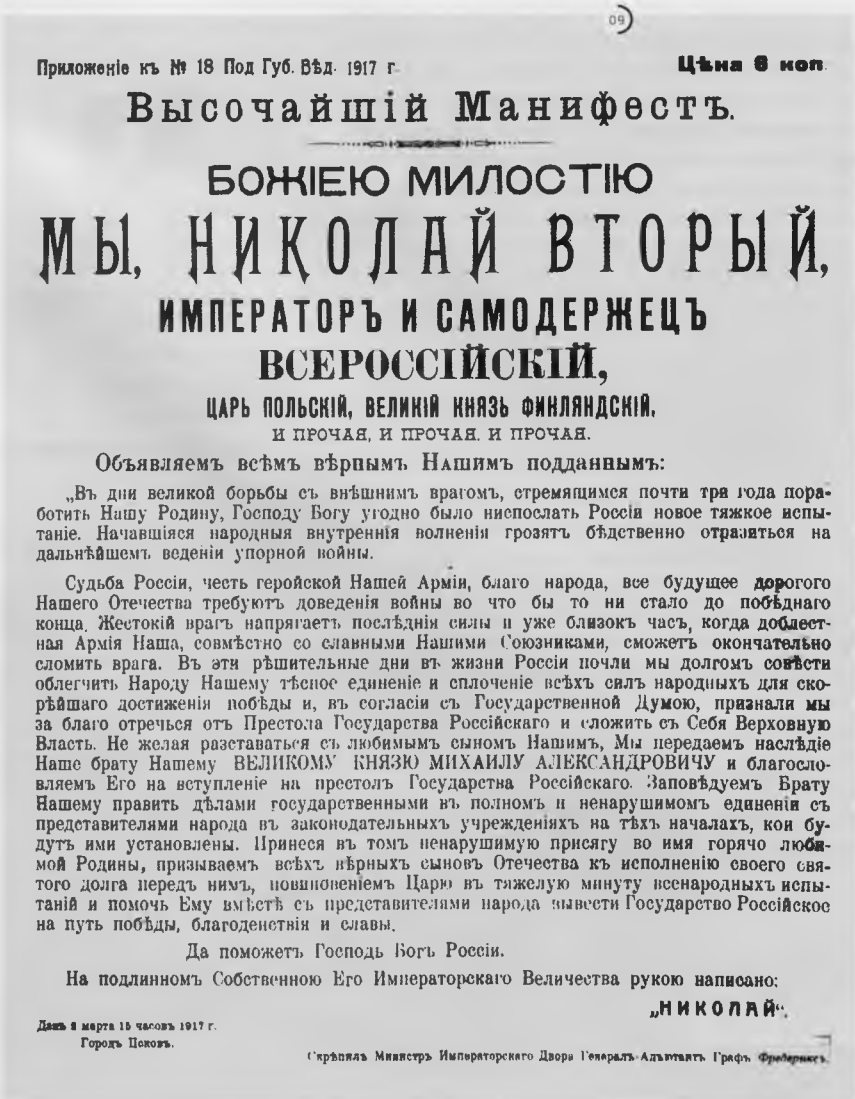
Наконец, семью и при больных детях можно было вывезти из Царского Села энергично: автомобили быстрые, вагоны теплые и удобные, и конвоя достаточно.

Оправдать, что Государь просто *не знал*, не понимал, что происходит в Петрограде, не охватывал масштабов? Да, настолько не знал, насколько бездарных и нечестных министров сам поставил. Но и настолько знал уже, что послал на усмирение восемь полков.

Нет, император завороженно покинул свою лучшую, единственно верную позицию — и безвольно поехал все в ту же удавку, из которой так вовремя ускользнул, — под самую лапу революционного Петрограда.

Вяло поплыл, не напрягая ни воли, ни власти, — а как плывется, путь непротивления. Даже грозной телеграммы по всем железным дорогам, как Бубликов, он не нашелся послать с пути.

Окунулся в поездку — и потерял последнее знание о событиях — уже и вовсе не знал ничего.

Приложеніе къ № 18 Под Губ. Вѣд. 1917 г. Цѣна 6 коп.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

„Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить Нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя внутреннія волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь геройской Нашей Арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная Армія Наша, совмѣстно со славными Нашими Союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ совѣсти облегчить Народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думою, признали мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную Власть. Не желая разставаться съ любимымъ сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше брату Нашему ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены. Принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь Ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

Дано в марта 15 часовъ 1917 г.
Городъ Псковъ.

Скрѣпилъ Министръ Императорскаго Двора Генералъ-Адъютантъ Графъ Фредерикс.

°9
Манифест об отречении Николая II.

Через незнание, через немоту, через ночь, через глушь, меняя маршруты, — к семье! к семье! к семье! Такое бы упорство — да на лучших направлениях его царствования!

Кстати, Любань никакими революционными войсками не была занята, никто не перегораживал царю дорогу, — а просто местная запасная часть, пользуясь наступившей свободой, разгромила станционный буфет, вот и все. Естественный эпизод для такой обстановки, в какую царственным особам не следует много путешествовать.

Жалкий рыск заплутавшихся царских поездов на другой день объявляли толпе под смех — и в Таврическом, и у московской городской думы. Еще будут и врать свободные газеты, не стесненные уже ничем, что царский поезд был задержан искусственным крушением, паровозы испорчены пролетариями-смазчиками. Еще будет декламировать Керенский, *что героические железнодорожники помогли* изловить царя.

Но как ни объясняй — красиво не объяснишь.

И вот — император дослал и загнал сам себя в полувраждебную псковскую коробочку. И что ж он обдумывает эти сутки? — как бороться за трон? Нет, лишь: отдавать ли в чужие руки больного сына? Трон — он сразу готов отдать без боя, он не подготовлен бороться за него.

Та же вдруг чрезмерная податливость, как и 17 октября 1905: внезапно уступить больше, чем требует обстановка.

Он даже не вспомнил в эти сутки, что в его Империи существуют свои основные законы, которые вовсе не допускали никакого *отречения* царствующего Государя (но, по павловскому закону: лишь престолонаследник мог отречься заранее — и то «если засим не предстоит затруднения в наследовании»). И сугубо не мог он отрекаться еще и за наследника. Где, кто, по какому вообще закону может отречься от каких-либо прав за несовершеннолетнего? Николай II не понимал закона, он знал только свое отцовское чувство. Было бы грубо, а заметить можно и так: кто же выше — сын или русская судьба? сын или престол? Для чего держали Распутина: сохранить наследника для престола или сына для мамы? Раздражили все общество, пренебрегли честью трона — для устойчивости династии? или только по родительским чувствам? Если только берегли сына для родителей, то всей семье надо было уходить на отдых десятью годами раньше. А если — наследника для престола, так вот и достигнута вершина того хранения? И вдруг обратился цесаревич просто в сына? (Но низко было со стороны Милюкова упрекнуть, что через сына хотели прицепиться и вернуться к трону: вот уж — бесхитростно.)

А сам Алексей, несовершеннолетний, и права бы не имел в том году отречься, как легко сделал *Михаил. И Родзянке и думскому Комитету не оставалось* наотрез ничего другого, как поддерживать наследника. А так как Совет депутатов не был готов к революционной атаке, то монархия бы и сохранилась, в пределах конституционной реформы. Но береженьем столь многобереженого сына Николай толкнул монархию упасть.

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ГИБЕЛЬНОГО КРУГА ПОСЛАН БЫЛ ЕМУ БОГОМ СТОЛЫПИН. ЕДИНОЖДЫ В ЖИЗНИ НИКОЛАЙ ОСТАНОВИЛ СВОЙ ВЫБОР НЕ НА НИЧТОЖЕСТВЕ, КАК ОБЫЧНО, А НА ВЕЛИКОМ ЧЕЛОВЕКЕ... И ЭТОГО ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА ГОСУДАРЬ НЕ ВЫНЕС РЯДОМ С СОБОЮ, ПРЕДАЛ

10
На советской открытке издательства Союзфото Николай II подписывает Манифест об отречении в ночь на 3 марта 1917 года.
В царском вагоне (слева направо): министр Императорского двора граф Владимир Борисович Фредерикс, генерал Николай Владимирович Рузский, депутаты Государственной Думы Василий Витальевич Шульгин и Александр Иванович Гучков, император Николай II.

И права не имел он передавать престол Михаилу, не удостоверясь в его согласии.

А выше государственных законов: он тем более не имел права на отречение в час великой национальной опасности.

А еще выше: он всю жизнь понимал свое царствование как помазанье Божье — так и не сам же мог он сложить его с себя, а только смерть.

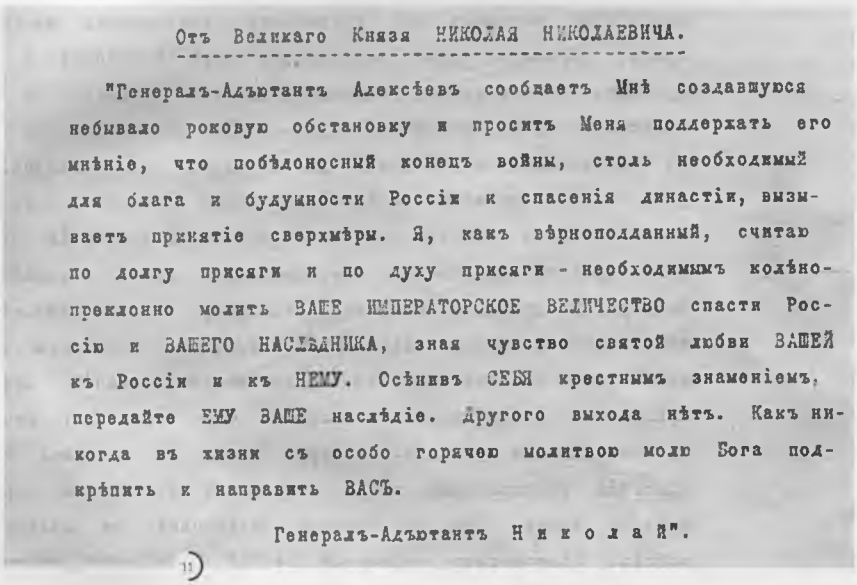
Именно потому, что волю монарха подданные должны выполнять беспрекословно, — ответственность монарха миллионно увеличена по сравнению со всяким обычным человеком. Ему была вверена эта страна — наследием, традицией и Богом, — и уже поэтому он отвечает за происшедшую революцию больше всех.

В эти первомартовские дни его главным порывом было — семья! — жена! — сын! Доброму семьянину, пришло ли в голову ему подумать еще о миллионах людей, тоже семейных, связанных с ним своей присягою, и миллионах, некрикливо утвержденных на монархической идее?

Он предпочел — сам устраниться от бремени.

Слабый царь, он предал нас.

Всех нас — на все последующее.

От Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА.

"Генералъ-Адъютантъ Алексѣевъ сообщаетъ Мнѣ создавшуюся небывало роковую обстановку и проситъ Меня поддержать его мнѣніе, что побѣдоносный конецъ войны, столь необходимый для блага и будущности Россіи и спасенія династіи, вызываетъ принятіе сверхмѣры. Я, какъ вѣрноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги - необходимымъ колѣнопреклонно молить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО спасти Россію и ВАШЕГО НАСЛѢДНИКА, зная чувство святой любви ВАШЕЙ къ Россіи и къ НЕМУ. Осѣнивъ СЕБЯ крестнымъ знаменіемъ, передайте ЕМУ ВАШЕ наслѣдіе. Другого выхода нѣтъ. Какъ никогда въ жизни съ особо горячею молитвою молю Бога подкрѣпить и направить ВАСЪ.

Генералъ-Адъютантъ Н и к о л а й".

11

Побегом Верховного Главнокомандующего из Ставки генерал Алексеев был возвышен как бы в верховные судьи тому. Он от болезни еще полусидел за столом, он был только начальник штаба, — но все военные силы России на главные дни петроградской революции — а значит вся историческая судьба российского государства — были покинуты на него одного бесконтрольно, безответно, безусловно. Оставим ли этому генералу одну военную объективность? Или признаем, что на его суждения и решения в неподготовленной роли влияли и общественные симпатии и личные заблуждения?

Мы видели, как Алексеев через Родзянку втянулся в прямые переговоры с мятежной столицей и дал убедить себя и сделать себя орудием свержения с трона (вероятно, в ложной надежде, что так государственная перетряска пройдет всего быстрей и безболезненней для Действующей армии) — хотя для военного человека во главе семимиллионной перволинейной армии не мог быть закрыт другой путь: не склонять Главнокомандующих к государеву отречению, а вызвать Родзянку к себе, а то и по телеграфу продиктовать Петрограду ультиматум — и даже не возникло бы малой междоусобицы, цензовые круги присмирели бы тотчас, разве похорохорился бы недолго Совет депутатов, перед тем как разбежаться. Однако невозместимые двое суток, с полуночи 1 марта, Алексеев пробыл под обаянием столичного вещуна, искренне веря, что тот — личность и в Петрограде реально у власти, едва ли не президент.

Но какова б ни была доля личной ошибки — одна она не могла бы заслонить военного долга, да еще и у всех остальных ведущих генералов. Поздние монархисты (сами, однако, не поднявшие защитного меча) более всего обвиняют Главнокомандующих, что они обманули и предали доверчивого Государя, пока тот спал на псковском вокзале. Действительно, кому ж, как не первым генералам, должна была быть ясна и обязательна служебная верность — уж им ли не понимать, что без верности и в собственных их руках рассыплется армия (что и случилось)! Но в той же Ставке монархист Лукомский вполне был согласен с Алексеевым. А Рузский охотно взял на себя главную долю убеждения и ломки Государя.

Всегда такой оглядчивый, сдержанный, терпеливый Алексеев — не в ночном бреду, но в утренней ясности, не проверив никак: а что на самом деле происходит в столице? не задумавшись: что будет с армией, если неподчинение разжечь на самой ее верхушке? — подписал фантастическую телеграмму, призывающую генералов переступить свою генеральскую компетенцию и судить о судьбах императорского трона. В помрачении утянулся, не видя, что совершает прямую измену своему воинскому долгу. Обгонял даже желания Родзянки, который и не выразил к нему такой просьбы.

И Брусилов спешит к перевороту с опережающей угодливостью (много раз потом проявленной). Эверт — как будто не с охотой — но и не с сопротивлением же — подчиняется. Сахаров — почти уперся, почти отказал, — но, душу отведя в негодовании, тут же сдался и присоединился. Николай Николаевич действует в давнем династическом комплексе и с обычной недальновидностью (показав себя таким же дутым глупцом, как и Родзянко). Непенин — даже рвется навстречу желаемой революции. Колчак — презрительно промолчал на запрос Алексеева, но и не встал же на защиту трона ничем. Генералов пониже (не то чтобы полковника Врангеля) не спрашивали. Когда прорвалось от Хана Нахичеванского случайным свидетельством: «Прошу не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии» — телеграмму эту Рузский положил в карман.

И что пишут Главнокомандующие? О «предъявленных требованиях» — не заметив: кто же их предъявлял? «Спасти железные дороги» — позавчера самим Алексеевым добровольно отданные Бубликову. О «петроградском Временном Правительстве» — которое еще в те часы не существовало (и никогда не будет властью). «Спасти Армию» — спасти 13 ар-

°11
Телеграмма великого князя Николая Николаевича в Ставку. 2 марта 1917 года.

мий, 40 корпусов — от десятка необученных запасных батальонов! В северо-западном уголке страны вздыбилось сумрачное творение Петра — и чтобы «спасти» 7-миллионную боевую армию от искушения изменить присяге, — им, Главнокомандующим, теперь следовало первым поспешить изменить собственной присяге!

Такое единое согласие всех главных генералов нельзя объяснить единой глупостью или единым низменным движением, природной склонностью к измене, задуманным предательством. Это могло быть только чертою общей моральной расшатанности власти. Только элементом всеобщей образованной захваченности мощным либерально-радикальным (и даже социалистическим) Полем в стране. Много лет (десятилетий) это Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии густились — и пронизывали, и подчиняли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением, хоть начатками его. Оно почти полностью владело интеллигенцией. Более редкими, но пронизывались его силовыми линиями и государственно-чиновные круги, и военные, и даже священство, епископат (вся Церковь в целом уже стояла бессильна против этого Поля), — и даже те, кто наиболее боролся против Поля: самые правые круги и сам трон. Под ударами террора, под давлением насмешки и презрения — эти тоже размягчались к сдаче. В столетнем противостоянии радикализма и государственности — вторая все больше побеждалась если не противником своим, то уверенностью в его победе. При таком пронизывающем влиянии — всюду в аппарате государства возникали невольно-добровольные агенты и ячейки радикализма, они-то и сказались в марте Семнадцатого. Столетняя дуэль общества и трона не прошла вничью: в мартовские дни идеология интеллигенции победила — вот, захватив и генералов, а те помогли обессилить и трон. Поле струилось сто лет — настолько сильно, что в нем померкало национальное сознание («примитивный патриотизм») и образованный слой переставал усматривать интересы национального бытия. Национальное сознание было отброшено интеллигенцией — но и обронено верхами. Так мы шли к своей национальной катастрофе.

Это было — как всеобщее (образованное) состояние под гипнозом, а в годы войны оно еще усилилось ложными внушениями: что государственная власть не выполняет национальной задачи, что довести войну до победного конца невозможно при этой власти, что при этом «режиме» стране вообще невозможно далее жить. Этот гипноз вполне захватил и Родзянку — и он легкомысленно дал революции имя свое и Государственной Думы, — и так возникло подобие законности и многих военных и государственных чинов склонило не бороться, а подчиниться. Называлось бы с первых минут «Гучков–Милюков–Керенский» или даже «Сов-деп» — так гладко бы не пошло.

Их всех — победило Поле. Оно и настигло Алексеева в Ставке, Николая Николаевича в Тифлисе, Эверта в Минске, штаб Рузского и самого Государя — во Пскове. И Государь, вместе со своим ничтожным окружением, тоже потерял духовную уверенность, был обескуражен мнимым перевесом городской общественности, покорился, что сильнее кошки зверя нет. Оттого так покато и отреклось ему, что он отрекался, кажется, — «для блага народа» (понятого и им по-интеллигентски, а не по-государственному). Не в том была неумолимость, что Государь вынужден был дать подпись во псковской коробочке — он мог бы еще и через день схватиться в Ставке, заодно с Алексеевым, — но в том, что ни он и никто на его стороне не имел уверенности для борьбы. Этим внушенным сознанием мнимой неправоты и бессилия правящих и решен был мгновенный успех революции.

Мартовское отречение произошло почти мгновенно, но проигрывалось оно 50 лет, начиная от выстрела Каракозова.

А в ближайшие следующие дни силовые линии Поля затрепетали еще победней, воздух стал еще угарней. И когда поворотливая петроградская газета с банковским фундаментом и интеллектуальным покрытием спросит генерала Рузского:

— Мы имеем сведения, что Свободная Россия обязана вам предотвращением ужасного кровопролития, которое готовил низложенный царь. Говорят, он приехал к вам убедить вас, чтобы вы послали на столицу несколько корпусов? — об-

°12
Верховный главнокомандующий император Николай II, генерал-майор М.С. Пустовойтенко и генерал от инфантерии М.В. Алексеев в Ставке. Могилев. 1916 год.

Они призвали Николая II к отречению

°13
Генерал от инфантерии, главнокомандующий Западным фронтом А.Е. Эверт.

°14
Генерал В.В. Сахаров.

°15
Главком Русской армии великий князь Николай Николаевич.

°16
Генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта А.А. Брусилов.

щественный воздух уже окажется настолько раскален, все громкости поднимутся в цене, а скромности упадут, — генерал Рузский, чтобы не вовсе затереться в уничижении, *улыбнулся и заметил:*

— Если уж говорить об услуге, оказанной мною революции, то она *даже больше той.* Я — убедил его отречься от престола.

Генерал Рузский торопил, торопил на себя подножье пятигорского Машука с чекистами — свой шашечный переруб на краю вырытой ямы...

Если надо выбрать в русской истории роковую ночь, если была такая одна, сгустившая в несколько ночных часов всю судьбу страны, сразу несколько революций, — то это была ночь с 1 на 2 марта 1917 года.

Как при мощных геологических катастрофах новые взрывы, взломы и скольжения материковых пластов происходят прежде, чем окончились предыдущие, даже перестигают их, — так в эту русскую революционную ночь совместились несколько выпереживающих скольжений, из которых единственного было достаточно — изменить облик страны и всю жизнь в ней, — а они текли каменными массами все одновременно, да так, что каждое следующее отменяло предшествующее, лишало его отдельного смысла, и оно могло хоть бы и вовсе не происходить. Скольжения эти были: переход к монархии конституционной («ответственное министерство») — решимость думского Комитета к отречению *этого* Государя — уступка всей монархии и всякой династии вообще (в переговорах с Исполнительным Комитетом СРД — согласие на Учредительное Собрание) —подчинение еще не созданного правительства Совету рабочих депутатов — и подрыв этого правительства (да и Совета депутатов) отменой всякого государственного порядка (реально уже начатой «приказом №1»).

Пласты обгоняли друг друга катастрофически: царь еще не отрекся, а Совет депутатов уже сшибал еще не созданное Временное правительство.

Пока император, уступив ответственное министерство, спал, а Главнокомандующие генералы телеграфно столковывались, как стеснить его к отречению, и всем им это казалось полным исчерпанием русских проблем, — думские лидеры, прокатясь на смелости запасных волынцев, осмелевшие от трех суток полного несопротивления властей, уже решились на создание своего правительства — без всякого парламента, без народного одобрения и без монаршего согласия. Деятели Февраля были упоены пробившим часом победы. И хотя они спешили вырвать отречение царя, не надеясь на то после войны, но еще более спешили углубить отречение бесповоротным разрывом со старым порядком, отказом принять свое назначение от старой власти, реставрации которой только и боялись одной. (Во всякой революции повторяется эта ошибка: не продолжения боятся, а реставрации.) Временное правительство возникало вполне независимо от царского отречения или неотречения: если бы Николай II в тот день и не отрекся — Временное правительство все равно возгласило бы себя в 3 часа дня 2 марта. (По игре судьбы Милюков поднялся на возвышение в Екатерининском зале на 5 минут раньше, чем Государь во Пскове взял ручку для подписи своего первого дневного отречения.) И членам нового правительства такое действие казалось исчерпанием революции.

Февральские вожди и думать не могли, они не успели заметить, они не хотели поверить, что вызвали другую, настигающую революцию, отменяющую их самих со всем их столетним радикализмом. На Западе от их победы до их поражения проходили эпохи — здесь они еще судорожно сдирали корону передними лапами — а уже задние и все туловище их были отрублены.

Вся историческая роль февралистов только и свелась к тому, что они не дали монархии за-

17
Февральские дни в Петрограде. Колонна с красными флагами на Невском проспекте.

щититься, не допустили ее прямого боя с революцией. Идеология интеллигенции слизнула своего государственного врага — но в самые же часы победы была подрезана идеологией советской, — и так оба вековых дуэлянта рухнули почти одновременно.

Еще накануне ночью цензовые вожди согласились на зависимое положение: согласились быть правительством призрачным еще прежде, чем сформировались. Монархия окончила существование все же 3 марта, а Временное правительство не правило и ни часа, оно правило *минус* два дня: оно было свергнуто еще в ночь на 2 марта непереносимыми «восемью условиями» Исполкома Совета — и даже еще вечером 1-го, когда в прокуренной 13-й комнате несколько третьесортных интеллигентов и второсортных революционеров не сопротивились печатанью «приказа №1», выбивающего всякую опору не только из-под лакированных ботинок новых министров.

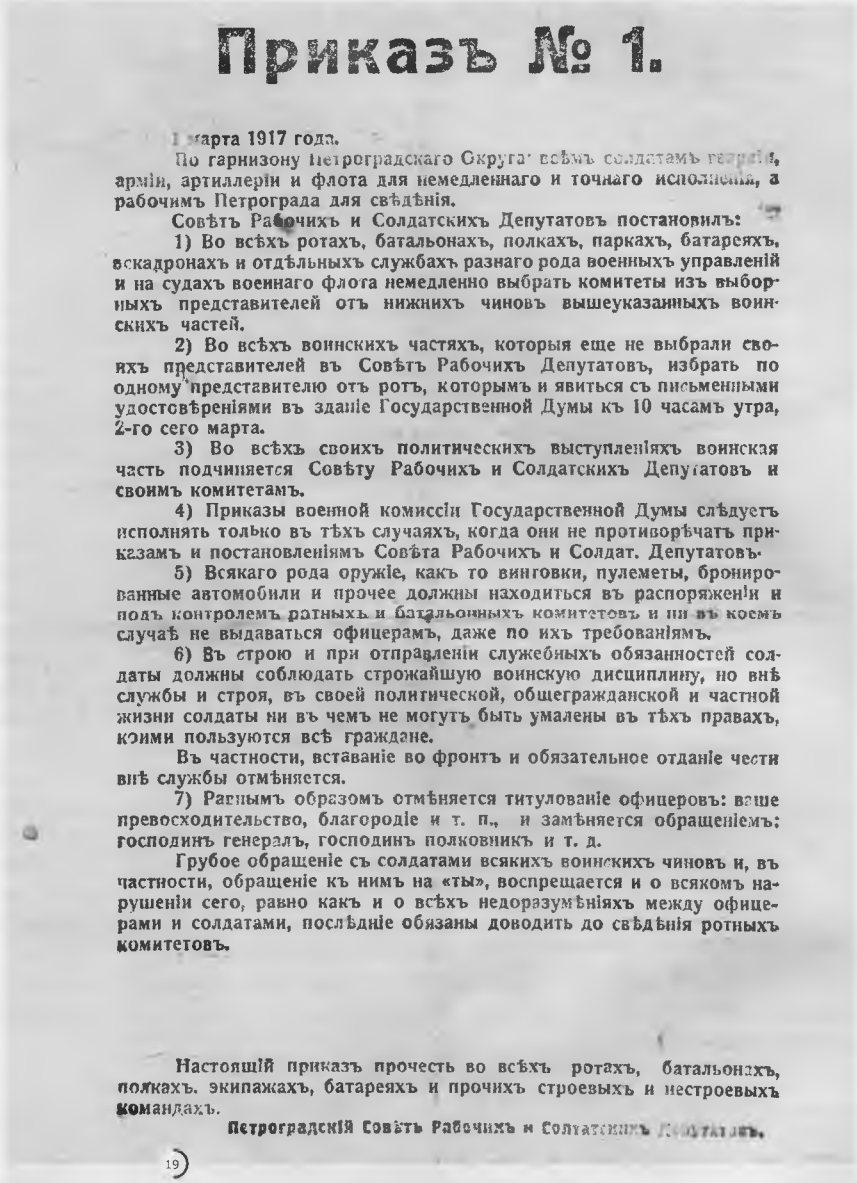
И этим подвижным успешливым суетунам из Совета тоже мнилось — основательное решение проблем страны.

В пользу кого ж отрекалась династия? Кто же стал новой Верховной Властью? Комитет (самозванный) Государственной Думы? — но жадное к власти Временное правительство уже оттеснило его. Само Временное правительство? — но оно могло стать всего лишь исполнительной властью, да и ни часу не стояло на своих ногах.

И получается, что Николай II, для блага России, отрекся в пользу Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов — то есть шайки никем не избранного полуинтеллигентского полуреволюционного отребья.

Но в «приказе №1» и в бесшабашности петроградских запасных, не желающих на фронт, — уже таилось и отречение Совета в пользу большевизма.

В ночь с 1 на 2 марта Петроград проиграл саму Россию — и больше чем на семьдесят пять лет.

Приказъ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго Округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, вескадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра, 2-го сего марта.

3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдат. Депутатовъ.

5) Всякаго рода оружіе, какъ то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6) Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

Въ частности, вставаніе во фронтъ и обязательное отданіе чести внѣ службы отмѣняется.

7) Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п., и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности, обращеніе къ нимъ на «ты», воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, экипажахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

19)

18)

° **18-19**
27 февраля. Совет Солдатских и Рабочих депутатов за составлением Приказа №1.

III. ГДЕ РЕВОЛЮЦИЯ (3–9 МАРТА 1917)

В отречении Михаила мы наблюдаем ту же душевную слабость и то же стремление *освободиться* самому. Даже внешне похожи действия братьев: почти в тех же часах, как сорвался Николай в путешествие к супруге, — пустился и Михаил в Петроград по навязчивой воле Родзянки. (А и в Гатчине вместо фронта тоже оказался императорский брат по любви к передышке, побыть с женой между двумя служебными должностями.) И так же, как Николай во Пскове, Михаил на петроградской квартире лишился свободы движения. И так же в западне был вынужден к отречению — да отчасти чтоб и скорей повидать любимую умницу-жену.

Временное правительство позаботилось о глухоте западни: если бы в ночь на 3 марта не задержали первого манифеста и уже вся страна и армия знали бы, что Михаил — император, — потекло бы что-то с проводов, донесся бы голос каких-то молчаливых генералов, Михаила уже везде бы возгласили, в иных местах и ждали б, — и он иначе мог бы разговаривать на Миллионной.

А сторонник монархии военный министр Гучков не догадался, как Алексеев накануне, запросить *совета* всех Главнокомандующих. Да ведь еще не опомнился от своей престижной поездки во Псков и от своего опасного хвастовства в железнодорожных мастерских.

Михаил не более думал о борьбе за трон, не более порывался возглавить сопротивление армии, чем его старший брат. А между тем уже 3 марта с утра Алексееву стало тошно проясняться, что он наделал. А днем он искал этих петроградских политиков к телеграфу, да представить не мог, что в эти часы они уже отрекают и Михаила. Прибудь Михаил в Могилев — конечно, Алексеев подчинился бы ему.

Да в самом Петрограде никто не догадался кликнуть военные училища, — их было несколько тысяч готовной молодежи, и они могли бы решить дело. Но на это смелость нужна была — гражданская, не та, что в картинной кавалерийской общей атаке, где Михаил был безупречен.

Сколько могло быть добровольцев из молодежи — показала Гражданская война. А в марте Семнадцатого — еще и вся Действующая армия стояла — наготове и управляемая. Но династия покинула престол, даже не попытавшись бороться за Россию.

И Михаилом, и всеми собравшимися на Миллионной, и монархистами среди них — всеми владел обманный параллакс, сдвиг зрения: из-за бушующей петроградской толпишки они не видели (кто и не хотел видеть) нетронутого массива России.

20 Великий князь Михаил Александрович Романов.

Николай в дневнике удивлялся: «Мишин манифест кончается четыреххвосткой для выборов Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость».

Как будто в собственном его отречении есть меньше, чему удивиться.

Правда, и свободолюбивое Временное правительство в эти дни перехватывало телеграммы между братьями, не давая им снестись, прикоснуться друг ко другу. Но даже зря хлопотали: телеграммы не несли ни понимания, ни поддержки. Михаил, «забыв все прошлое», то есть судьбу своей женитьбы, просил брата «пойти по пути, указанному народом». (Где он увидел народ?) Николай, еще содержательней, просил прощения, что *огорчил* брата (своим отречением), что не успел предупредить, зато навсегда останется преданным братом и скоро приедет в Царское Село. Ни в телеграммах, ни в разъединении не соединило братьев монархическое правосознание.

В отречении Михаила еще меньше понимания сути дела: насколько он владел престолом, чтоб отрекаться от него? Образованные юридические советники, звезды кадетской партии, Набоков и Нольде, выводили ему красивым почерком: «впредь до того, как Учредительное Собрание своим решением об образе правления...» — а он доверчиво, послушно подписал. (И какое такое Учредительное Собрание он мыслил во время войны?)

Василий Маклаков, чья отточенная юридическая проницательность еще обострилась тем, что он с первого дня был отведен прочь от Временного правительства, увидел так: «Странный и преступный манифест, которого Михаил не имел права подписывать, даже если бы был монархом... Акт безумия и предательства».

Совершенно игнорируя и действующую конституцию, и Государственный Совет, и Государственную Думу, без их согласия и даже ведома, — Михаил объявил трон вакантным и своею призрачной властью самочинно объявил выборы в Учредительное Собрание, и даже предопределил форму выборов туда! — а до того передал Временному правительству такую абсолютную власть, какою не обладал и сам. Тем самым он походя уничтожил и парламент, и основные законы государства, все отложив якобы на «волю великого народа», который к тому мигу еще и не продремнулся, и не ведал ничего.

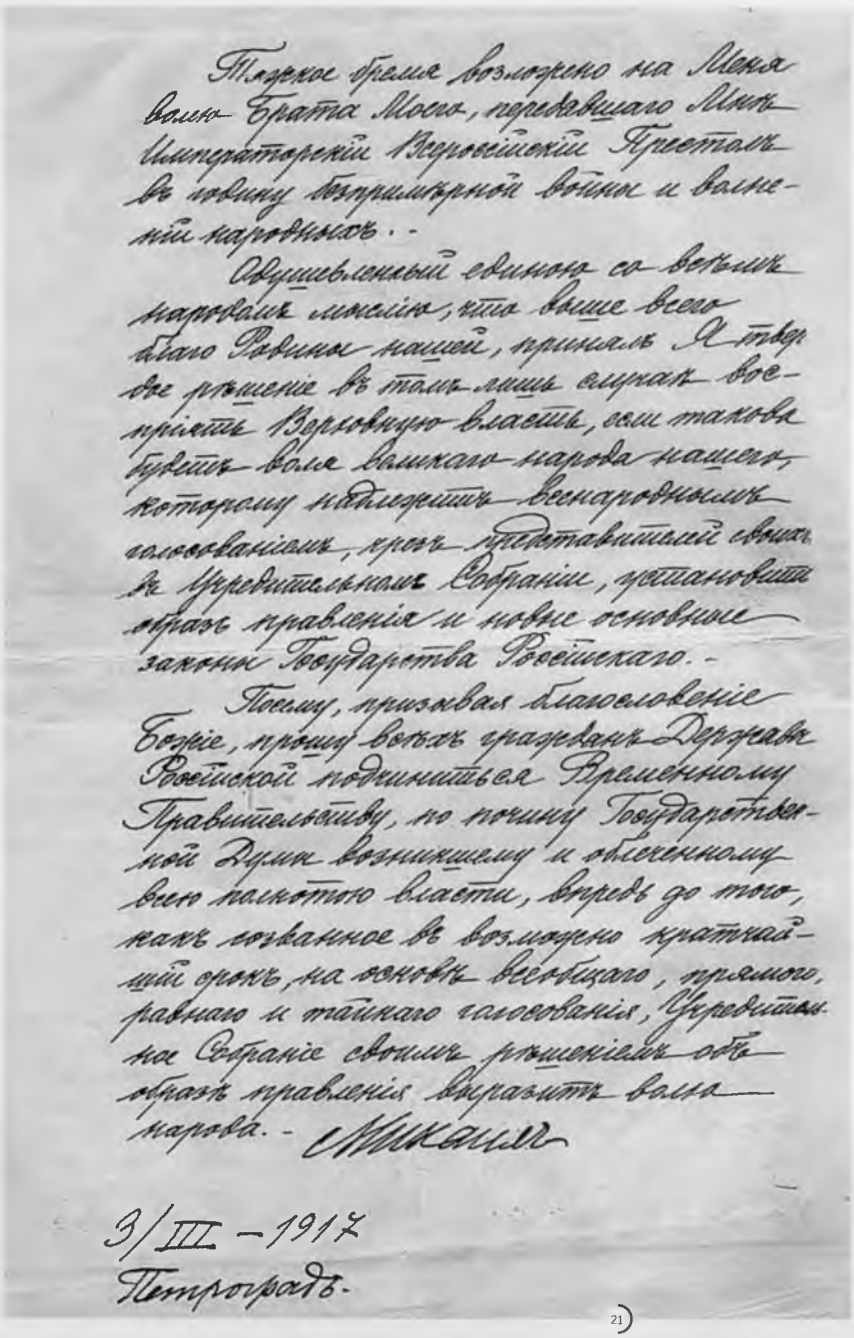
Ведомый своими думскими советчиками, Михаил не проявил понимания: где же граница личного отречения? Оно не может отменять форму правления в государстве. Отречение же Михаила оказалось: и за себя лично, и за всю династию, и за самый принцип монархии в России, за государственный строй ее. Отречение Николая формально еще не было концом династии, оно удерживало парламентарную монархию. Концом монархии стало отречение Михаила. Он — хуже чем отрекся: он загородил и всем другим возможным престолонаследникам, он передал власть аморфной олигархии. Его отречение и превратило смену монарха в революцию. (То-то так хвалил его Керенский.)

Именно этот Манифест, подписанный Михаилом (не бывшим никогда никем), и стал единственным актом, определившим формально степень власти Временного правительства, — не могли ж они серьезно долго держаться за фразу Милюкова, что их избрала революция, то есть революционная толпа. Также и назначение премьера Львова Николаем Вторым они не хотели признать. Безответственный манифест Михаила и стал как бы полной конституцией Временного правительства. Да еще какой удобной конституцией: трон, то есть Верховная власть — упразднялась, и не устанавливалось никакой другой, значит: Временное правительство помимо власти исполнительной становилось также и Верховной властью. Как будто оставалась еще законодательная власть, то есть Государственная Дума (и Государственный Совет)? Но хотя именно в эти дни слова «Государственная Дума» порхали над Петроградом и были несравненно популярны — на самом деле Дума уже потеряла всю власть, да и перестала существовать. С первого же своего шага Временное правительство отшвырнуло и убило Думу (и тем более — Государственный Совет) — тем самым захватило себе и законодательную власть. (Короткие часы ему казалось, что оно прочно удержится на соединенном энтузиазме общества и народа.)

Большего беззакония никогда не было совершено ни в какое царское время: любая «реакция» всегда опиралась на сформулированный и открыто объявленный закон. Здесь же похищались все виды власти сразу — и необъявленно. При царе сколько было негодований, что открытыми указами производились перерывы в занятиях законодательных палат! — но блеснула *эта* свобода, и законодательные палаты распустили одним ударом, беспрепятственно и навсегда.

О как ждали годами и прорицали *ответственное* министерство — ответственное не перед каким-то там монархом, но перед народом! Наступила эра свободы — и те самые излюбленные «лучшие люди народа» создали министерство, вкруговую безответственное, не ответственное вообще ни перед кем: они захватили в одни свои руки и Верховную власть, и законодательную, и исполнительную. (Да и судебную.) Тут — больше, чем прежнее Самодержавие.

И можно было бы сказать, что они стали новыми диктаторами или самодержцами, если бы из слабых своих рук они тут же не разронили всю эту

Telegram text:

Telegram
Ставка
Его Императорскому Величеству Государю Императору Петроград
Передаю Вашему Императорскому Величеству следующее
Манифест
Мы Божией милостью Михаил Второй Всероссийский Император и Самодержец объявляем всем верным сынам Государства Российского
Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных
Исполненный единения со всеми народными представителями почитаю Я долгом Верным нашей присяге принять Верховную власть если таковая будет воле Вашего народа нашего которому надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского
Посему призывая благословение Божие прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти впредь до того как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего прямого равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа
Михаил
3/III — 1917
Петроград

21)

°21
Акт о непринятии престола великим князем Михаилом Александровичем. 3 марта 1917 года.

И МОЖНО БЫЛО БЫ СКАЗАТЬ, ЧТО ОНИ СТАЛИ НОВЫМИ ДИКТАТОРАМИ ИЛИ САМОДЕРЖЦАМИ, ЕСЛИ БЫ ИЗ СЛАБЫХ РУК ОНИ ТУТ ЖЕ НЕ РАЗРОНИЛИ БЫ ВСЮ ЭТУ ВЛАСТЬ — НА МОСТОВУЮ, СОВЕТУ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ ИЛИ КТО ВООБЩЕ ЗАХОЧЕТ

власть — на мостовую, Совету рабочих депутатов или кто вообще захочет. Перед совдепом правительство сразу же связало свои руки восемью условиями, — а взамен за них не получило никакой поддержки Исполнительного Комитета — только ту, что он пока правительство не свергал, но даже и свергал, на каждом шагу действуя помимо него, против него и нанося удары по его авторитету. Совдеп стремительно разваливал армию — но вопрос о сохранении ее даже не всплыл в протоколах правительства. Зато серьезно обсуждалось, как сохранить верность союзникам, зато угодливо приглашали делегатов совдепа проверять расходование правительственных финансовых средств.

Так и с судьбой Государя. Достаточно было совдепу цыкнуть — и всевластное правительство проявило решительную твердость в аресте царя, — а почему, собственно? Царь добровольно отрекся и именно этому правительству пытался преемственно передать власть — уже это, казалось бы, морально обязывало правительство по отношению к бывшему монарху. Можно было ограничить его местожительство — в тот момент ни газеты, ни петиции не требовали большего, — но зачем арест? Защитить царя решетками от гнева и расправы масс? Но такого народного движения — к расправе — нигде и никем проявлено не было.

Так только — угодить совдепу? Пожалуй не только. Временное правительство после трех дней своего горевого царствования уже стало опасаться морального сравнения себя с царем? Свергнутый, но вольный в жизни царь становился мозолью именно правительству. Это сознание проявилось у министров быстро. Уже 6 марта Некрасов дал знать Чхеидзе, что Временное правительство не возражает против ареста царя и даже поможет в нем. На частных переговорах министров, где стержнем был Керенский, арест был, очевидно, решен уже 5 марта, поскольку 6-го Керенский уже посылал искать место заключения для царской семьи. (Предполагалась Осиновая Роща, имение Левашовой, в сторону Карельского перешейка.) 7-го он поехал в Москву и произносил красивые слова о милосердии, а в самом червилось спиралью огненно-революционное нетерпение: доказать на следствии измену царя и затем судить его — какая будет крылатая аналогия с Великой Французской!

В свое время царь не арестовал ни Керенского, ни Гучкова, ни кого из них, считая невозможным арестовывать политических деятелей. Но, обратно, арестовать царя, добровольно отдавшего корону, чтоб только избежать междоусобицы, — никому из них не показалось возмутительно, а всех радостно насытило. В свое время царь не накладывал запрета на самые поносные речи радикалов — теперь, в эпоху свободы, правительство из либералов-радикалов запретило даже прощальное слово Верховного Главнокомандующего, где он призывал армию служить этому же правительству и эту же войну против Германии продолжать.

Боялись напомнить и вспомнить, что этот царь, напротив, был слишком верен этой войне, на погибель России и себе?..

А кроме ареста беззащитного царя мы более не обнаружим нигде никаких признаков твердости Временного правительства. По нескольку лет они знали себя в списках подготавливаемого кабинета — а никто не готовил себя делово к этой роли, и, например, никто не подумал: а какова же будет структура власти? Только захватив теперь центральную власть, вспомнили, что еще должны существовать власти местные, — и как теперь быть с ними? Анекдотический премьер и анекдотический министр внутренних дел князь Львов нашел выход в том, чтобы единым ударом разрушить все местное самоуправление и не оставить местных властей (а они уже и от самого отречения падали, их только чуть дотолкнуть):

«...а назначать никого не будем. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением. Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений. Какое великое счастье жить в эти великие дни!»

Святой Народ сам разберется.

В осточертелом головокружении Временное правительство поспешно уничтожало по всей России всякую администрацию. Одномоментно была разогнана вся наружная полиция, вся секретная полиция, перестала существовать вся система министерства внутренних дел — и уже по-настоящему никогда не восстановилась. (До большевиков.) И это все сделали не большевики и не инспирировали немцы — это все учинили светлоумые российские либералы.

Сердитый на них Бубликов (за то, что не дали ему министерства) справедливо писал о них: это

°22
Первое российское народное правительство. Март 1917 года.

не министерский кабинет, а семинарий государственного управления: все — новички в деле, все — учатся, все умеют только речи говорить.

Для всей *думающей* российской интеллигенции общепризнанным местом было — поражаться ничтожеству нашего последнего императора. Но не паче ли тогда изумиться ничтожеству первого измечтанного этой интеллигенцией *правительства народного доверия*? Столько лет надсаживались об этих людях, «облеченных доверием всего народа», — и кого же сумели набрать? Вот наконец «перепрягли лошадей во время переправы» — и что же? кого же?..

Открытки с дюжиной овальчиков «Вожди России» спешили рекламировать их по всей стране.

Размазню князя Львова «Сатирикон» тогда же изобразил в виде прижизненного памятника самому себе «за благонравие и безвредность». Милюков — окаменелый догматик, засушенная вобла, не способный поворачиваться в струе политики. Гучков — прославленный бретер и разоблачитель, вдруг теперь, на первых практических шагах, потерявший весь свой задор, усталый и запутлявший. Керенский — арлекин, не к нашим кафтанам. Некрасов — зауряд-демагог, и даже как интриган — мелкий. Терещенко — фиглявистый великосветский ухажер. (Все трое последних вместе с Коноваловым — темные лошадки темных кругов, но даже нет надобности в это вникать.) Владимир Львов — безумец и эпилептик (через Синод — к Союзу воинствующих безбожников). Годнев — тень человека. Мануйлов — шляпа, не годная к употреблению. Родичев — элоквент, ритор, но не человек дела (да не задержался в правительстве и недели). И достоин уважения, безупречен серьезностью и трудолюбием один только Шингарев (не случайно именно его и поразит удар ленинского убийцы), — но и он: земский врач, который готовился по финансам, вел комиссию по обороне, а получил Министерство земледелия!.. — круглый дилетант.

Вот — бледный, жалкий итог столетнего, от декабристов, «Освободительного движения», унесшего столько жертв и извратившего всю Россию!

Так Прогрессивный блок — только и рвался, что к власти, не больше?..

Они растерялись в первую же минуту, и не надо было полной недели, чтоб сами это поняли, как Гучков и признался Алексееву. Когда они прежде воображали себя правительством — то за каменной оградой монархии. А теперь, когда Россия осталась без всякого порядка и, естественно, начинала разминаться всеми членами, — теперь они должны были поворачиваться как на пожаре, — но такими скоростями и такой сообразительностью не владели они. (Да эти бешеные ускорения немыслимы были для мозгов старого времени — ни для царских министров, ни для *временных*, ни даже для половины совдепского исполкома.)

° 23
Парад революционных войск на Красной площади. Москва, 4 марта 1917 года.

Все протоколы этого правительства, если смерить их с порой, — почти на уровне анекдота. И только накатывается через них уже угадываемая Шингаревым продовольственная реформа — куда круче, чем критикованная им же у Риттиха за крутость, — и через которую мы начинаем уже с мурашками угадывать большевицкие продотряды.

Была ли она стихийная? Почему она такая легкая и мгновенная? И кто вообще она?

Сомневаются: да называть ли ее революцией? Если даже к 9 марта, как мы уже видим, на своих просторах, в своих массах Россия еще не пережила Февраля, не осуществляла его сама, но повсюду узнала о нем с опозданием, а где и с большим, — узнала как о постороннем свершившемся факте. Ни в необъятной российской провинции, ни в Действующей армии никакого Февраля в феврале не произошло, ни народ, ни цвет армии не участвовали в том — а значит, нигде, кроме Петрограда, не было предрасположения к восстанию? Февральская революция произошла как бы не в России, но в Петрограде, потом и в Москве *за* Россию, вместо нее, а всей России объявили готовый результат. Если б революция была стихийной и всенародной — она происходила бы повсюду.

Разве Государю было неизбежно отрекаться? Разве потому он отрекся, что революция быстро и сильно раскатилась по стране? Наоборот: только потому она так легко и покатилась, что царь отрекся совсем внезапно для всей страны. Если сам царь подал пример мгновенной капитуляции, — то как могли сопротивиться, не подчиниться все другие меньшие чины, особенно в провинции?

К Февралю народ еще никак не утерял монархических представлений, не был подготовлен к утере царского строя. Немое большинство его — девять десятых — даже и не было пронизано либерально-радикальным Полем (как во всякой среде большой собственной густоты, как магнитные в металле — силовые линии либерального Поля быстро терялись в народе).

Но и защищать монархию — ни народ, ни армия так же не оказались подготовлены.

Так — назвать ли революцией то, что произошло в Феврале? — если считать революцией внезапное, насильственное и с участием масс изменение политического строя государства? Все это — насильственные действия миллионных масс, и разлив кровопролития, и крутейшие перемены государственного и общественного строя, самой народной жизни, — произойдет в России — только не сразу.

У нас называют три революции: 1905 года, Февраля 1917 и Октября. Но в 1905-06 не произошло существенных перемен государственной и народной жизни, и не было движения миллионных масс: была *симуляция революции*, было много разрозненного террора (и уголовного), когда революционеры (и уголовники) и интеллигенты — толкали, толкали, раскачивали, раскачивали — а оно никак не раскачивалось и не раскачалось. А Февраль — даже неправдоподобен: дремота страны, ничтожное участие масс — и никакого сопротивления власти. А Октябрь — короткий грубый местный военный переворот по плану, какая уж там революция?

Ни одна как будто — не подходит под революцию. Две последних — весьма точно назвать переворотами.

Но несомненно, что в XX веке в России произошла величайшая кровавая необратимая революция всемирового значения. Необратимостью и радикальностью перемен только и определяется революция.

Если в Феврале было мало крови и насилия и массы еще не раскатились, — то все это ждало впереди: и вся кровь, и все насилие, и захват народных масс, и сотрясение народной жизни. Революции бывают и медленные — но, начавшись, уже неуклонны, и насилие в них потом все разыгрывается. Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу Семнадцатого года — вполне уже стихийно, и потом Гражданской войной, и миллионным же чекистским террором, и вполне стихийными крестьянскими восстаниями, и искусственными большевицкими голодами по 30, по 40 губерний — и может быть, закончилась лишь искоренением крестьянства в 1930-1932 и перетряхом всего уклада в первой пятилетке. Так вот и катилась революция — 15 лет.

Российская революция закончилась в начале 30-х годов. И тотчас была почтительно признана китом западной демократии — Соединенными Штатами.

°24
Листовка «Творцы революции». Петроград. 1917 год.

IV. ПРИЧИНЫ И СУТЬ ЭТОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ПОСЛЕ 10 МАРТА 1917)

Человеческий ум всегда требует причин для всех событий. И не честно уклоняться назвать их, кто как умеет.

В истории Февральской революции редко кем оспаривается полная неожиданность ее для всех: и для властей, и для разжигавших ее думских и земгоровских кругов, и для всех революционных партий — эсеров, меньшевиков и большевиков, и для западных дипломатов в Петрограде, и уж тем более для остальной России — для Действующей армии, для провинции, для крестьянства.

Отсутствие партийных усилий, неподготовленность партийными заданиями (агитация партий лишь потом нагоняла события), особенно поражает умы, привыкшие к революционному объяснению. В таких случаях всегда выдвигается слово «стихийный». Но по неучастию всей России мы ясно видим, что стихии — не было.

Одни преимущественно объясняют хлебными перебоями в Петрограде — даже не перебоями, а только *слухом*, что хлеб скоро ограничат. Мы уже разобрали, что это — не объяснение.

Другие указывают неоспоримо на многолюдность, уродливость и бездеятельную развращенность петроградского гарнизона. Реально в дни Февраля он был главной действующей силой. И все же городской гарнизон — не поднимается до уровня исторической причины, хотя бы как частное проявление более обширной причины — войны.

При явности неучастия всех партий Георгий Катков настойчиво разрабатывает мысль, что главной движущей силой петроградских волнений были немецкие агенты и немецкие деньги: хотя притекания последних нельзя доказать документально, но есть признаки. Несомненно, зная приемы германской дипломатии и тотальной войны, текущего разложения противника, можно не сомневаться, что германские усилия и деньги настойчиво прилагались к общественному взрыву в воюющей России, кому-то же они платили, не без влияния они остались и на огромный размах забастовочного движения в Петрограде, конечно они поддували и хлебные слухи (хотя лозунг «долой войну» не только немецкого происхождения, он вполне внушался и обрыдлостью войны). Несомненна немецкая заинтересованность и немецкая подталкивающая рука — но ведь почти только в одном Петрограде (из провинции — разве что в Николаеве) и не в масштабах столь удавшегося всероссийского взрыва, превзошедшего все немецкие расчеты. Позже, с весны, немцы перенесут свою поддержку на единственную пораженческую партию большевиков и с этого времени действительно станут постоянной силой хода нашей революции. Но в Феврале хоть и могли быть немецкие дрожжи — однако российская опара взялась! — и это заставляет нас искать российские причины внутренние. «Немецкую» причину полезнее недооценить, чем переоценить.

25

25
«Вернуть Ленина Вильгельму». Манифестация инвалидов в Петрограде 16 апреля 1917 года.

Говоря о причинах, мы, очевидно, должны иметь в виду залегающие обстоятельства — глубокие по природе, длительные во времени, которые сделали переворот принципиально осуществимым, а не толчки, непосредственно поведшие к перевороту. Толчки могут разрушить только нестабильную систему. А — отчего она стала нестабильной?

К таким причинам мы имеем право отнести всю войну в целом.

Весной 1917 любимое кадетское объяснение и было: что революция вызвана неудачным ведением войны и целью имела — вести ее лучше и выиграть; что не было в России уважения к личности гражданина (образованного горожанина), от это-

26
Москва. Хлебная карточка на август 1917 года.

27
Солдаты приветствуют известие о падении монархии. Западный фронт. Март 1917 года.

го в стране не было порядка и от этого все никак не было победы над немцами. Объяснение это не выдерживает и прикосновения критики. Наиболее уставшая от войны Действующая армия была застигнута петроградской революцией врасплох, еще и через две недели стояла почти безучастная и почти неповрежденная. Военно-материальное снабжение достигло к этому времени наивысшей точки. Снаряды, в том числе и тяжелые, накоплялись весь 1916 год и начало 1917, — теперь русская армия могла вести верденский огонь по всему фронту. Напротив, революция не добавила никакого патриотического подъема, а с отпадением понуждающей силы появилась у всех, начиная с движущего петроградского гарнизона, надежда уклониться от войны — и крепкая армия распалась в короткие месяцы, сделав войну полностью невозможной.

Но и большевицкое объяснение, что революция произошла как протест против войны, не подтверждается фактами и придумано партийными деятелями позже: никакого обозначенного, определенного движения против войны не было ни в армии, ни где-либо по России, и настойчивой громкой такой пропаганды тоже не было.

Однако война, безусловно, сыграла губительную роль. Вся эта война была ошибкой трагической для всей тогдашней Европы, а для России и трудно исправимой. Россия была брошена в ту войну без всякого понимания международного хода событий, при сторонности ее главному европейскому конфликту, при несогласии ее авторитарного строя с внешним демократическим союзом. Она брошена была без сознания новизны этого века и тяготеющего состояния самой себя. Все избывающие здоровьем крупные силы крепкой нации были брошены не в ту сторону, создалось неестественное распределение человеческих масс и энергий, заметно перегрузилась и смешалась администрация и организация, ослаб государственный организм. И даже все это было бы еще ничего, если б не традиционная накаленная враждебность между обществом и властью. В поле этой враждебности образованный класс то и дело сбивался на истерию, правящая прослойка — на трусость.

Не преувеличим при этом ни размаха отступления 1915 года, ни народного утомления, ни местами перерывов снабжения, ни ничтожности состава царских министров. Советское отступление 1941–42 года было тридцатикратным, утеряна была не Польша, но вся Белоруссия, Украина и Россия до Москвы и Волги, и потери убитыми и пленными — двадцатикратны, и несравнен голод повсюду и вместе с тем заводское и сельское напряжение, народная усталость, и еще более ничтожны министры, и уж конечно несравненно подавление свобод, — но именно потому, что власть не продрогла в безжалостности, что и в голову никому бы не пришло заикнуться о недоверии к правительству, — это катастрофическое отступление и вымирание не привело ни к какой революции. (И еще одна частная параллель: в обе войны мы были материально зависимы от западных союзников. Но от этого царское правительство и затем временное заискивали перед союзниками, а Сталин при этом же — диктовал им условия сам.) Теперь-то мы знаем истинные выносимые масштабы и лишений, и насилий. Да самые-то по-

зорные наши отступленья-бегства были совершены уже не императорскими войсками, а революционными — летом 1917.

И все же не сама по себе война определила революцию. Ее определял издавний страстный конфликт общества и власти, на который война наложилась. Все назревание революции было не в военных, не в экономических затруднениях как таковых, но — в интеллигентском ожесточении многих десятилетий, никогда не пересиленном властью.

Очевидно, у власти было два пути, совершенно исключавших революцию. Или — подавление, сколько-нибудь последовательное и жестокое (как мы его теперь узнали), — на это царская власть была не способна прежде всего морально, она не могла поставить себе такой задачи. Или — деятельное, неутомимое реформирование всего устаревшего и не соответственного. На это власть тоже была не способна — по дремоте, по неосознанию, по боязни. И она потекла средним, самым губительным путем: при крайнем ненавистном ожесточении общества — и не давить, и не разрешать, но лежать поперек косным препятствием.

Монархия — как бы заснула. После Столыпина она не имела ясной активной программы действий, закисала в сомнениях. Слабость строя подходила к опасной черте. Нужны были энергичные реформы, продолжающие Столыпина, — их не предприняли. Власть продремала и перестаревшие сословные пережитки, и безмерно затянувшееся неравноправие крестьянства, и затянувшуюся неразрешенность рабочего положения. Даже только эти явления имея в виду, невозможно было ответственно вступать ни в японскую войну, ни в Мировую. А затем власть продремала и объем потерь и народную усталость от затянувшейся этой войны.

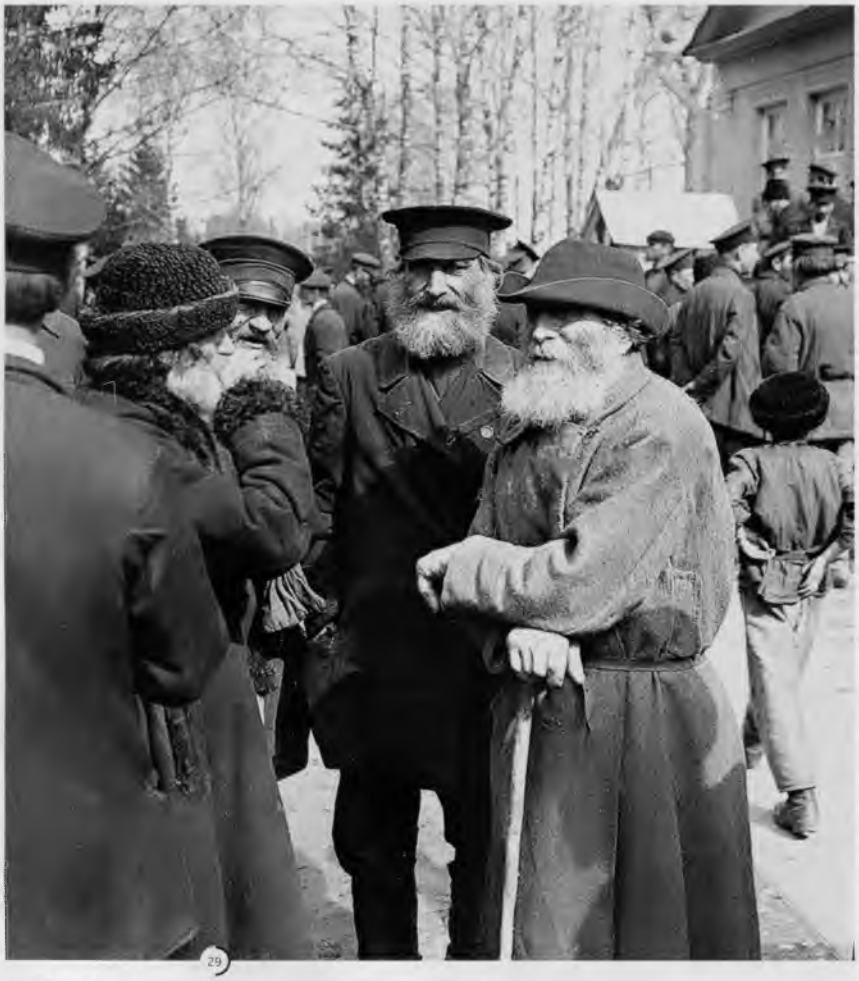
Накал ненависти между образованным классом и властью делал невозможным никакие конструктивные совместные меры, компромиссы, государственные выходы, а создавал лишь истребительный потенциал уничтожения. Образованное общество в свою очередь играло крестьянством как картой, то раззаряло его на несуществующие земли, то препятствовало его равноправию и волостному земскому самоуправлению. Если бы крестьянство к этой войне уже было бы общественно-равноправно, экономически устроено и не таило бы сословных унижений и обид — петроградский бунт мог бы ограничиться столичными эпизодами, но не дал бы губительного раската революции с марта по осень.

Даже и этот смертельный внутригосударственный разрыв и при всей затянувшейся войне не произвел бы революции — при администрации живой, деятельной, ответственной, не огруженной тысячами паразитов. Но в дремоте монархии стали традиционны отменно плохие назначения на гражданские и военные посты людей самоублаженных, ленивых, робких, не способных к решительным действиям в решительный час.

Стояла Россия веками — и дремалось, что ее существование не требует настойчивого изобре-

28
Солдат на братском кладбище. 1916 год.

ПРАВЯЩИЙ КЛАСС ПОТЕРЯЛ ЧУВСТВО ДОЛГА, НЕ ТЯГОТИЛСЯ СВОИМИ НЕЗАСЛУЖЕННЫМИ НАСЛЕДСТВЕННЫМИ ПРИВИЛЕГИЯМИ, ПЕРЕБОРОМ ПРАВ..., СВОИМ ВСЕ ЕЩЕ, И В РАЗОРЕНИИ, ВОЗВЫШЕННЫМ СОСТОЯНИЕМ

тательного приложения сил. Вот так стоит — и будет стоять.

Эта дремота была — шире чем только администрации, это была дремота всего наследственного привилегированного класса — дворянства, особенно в его титулованных, высоко-бюрократических, великокняжеских и гвардейских кругах. Этот класс, столько получивший от России за столетия, и все авансом, — теперь в переходную напряженную пору страны в лучшем случае выделял немногочисленных честных служак, а то — вождей взволнованного общества, а то даже — и революционеров, в главной же и высшей своей части так же дремал, беззаботно доживая, без деятельного поиска, без жертвенного беспокойства, как отдать животы на благо царя и России. Правящий класс потерял чувство долга, не тяготился своими незаслуженными наследственными привилегиями, перебором прав, сохраненных при раскрепощении крестьян, своим все еще, и в разорении, возвышенным состоянием. Как ни странно, но государственное сознание наиболее покинуло его. И в грозный декабрь 1916 дворянство, погубившее эту власть, еще от нее же и отшатнулось с громкими обличениями.

Но и при всем том на краю пропасти еще могла бы удержать страну сильная авторитетная Церковь. Церковь-то и должна была создать противоположное духовное Поле, укрепить в народе и обществе сопротивление разложению. Но (до сих пор сотрясенная безумным расколом XVII века) не создала такого. В дни величайшей национальной катастрофы России Церковь — и не попыталась спасти, образумить страну. Духовенство синодальной церкви, уже два столетия как поддавшееся властной императорской длани, — утеряло высшую ответственность и упустило духовное руководство народом. Масса священства затерялась духовную энергию, одряхла. Церковь была слаба, высмеяна обществом, священники принижены среди сельской паствы. Не случайно именно семинарии становились рассадниками атеизма и безбожия, там читали гектографическую запрещенную литературу, собирали подпольные собрания, оттуда выходили эсерами.

Как не заметить, что в страдные отречные дни императора — *ни один* иерарх (и ни один священник) православной Церкви, каждодневно возносивший непременные за Государя молитвы, — не поспешил к нему поддержать и наставить?

Но еще и при этом всем — не сотряслась бы, не зинула бы пропастью страна, сохранись крестьянство ее прежним патриархальным и богобоязненным. Однако за последние десятилетия обидной послекрепостной неустроенности, экономических метаний через дебри несправедливостей — одна часть крестьянства спивалась, другая разжигалась неправедной жаждой к дележу чужого имущества — уже во взрослыи были среди крестьян те убийцы и поджигатели, которые скоро кинутся на помещичьи имения, те грабители, которые скоро будут на части делить ковры, разбирать сервизы по чашкам, стены по кирпичикам, белье и кресла — по избам. Долгая пропаганда образованных тоже воспитывала этих дележников. Это уже не была Святая Русь. Дележ чужого готов был взреветь в крестьянстве без памяти о прежних устоях, без опоминанья, что все худое выпрет боком и вскоре так же точно могут ограбить и делить их самих. (И разделят...)

Падение крестьянства было прямым следствием падения священства. Среди крестьян множились отступники от веры, одни пока еще молчаливые, другие — уже разверзающие глотку: именно в начале XX века в деревенской России заслышалась небывалая хула в Бога и в Матерь Божью. По селам разыгрывалось злобное бесцельное озорство молодежи, небывалое прежде. (Тем более оно прорывалось в городах, где безверие воспитывалось еще с гимназической реформы 60-х годов. Знаю по южным. Например, в Таганроге еще в 1910 году в Чистый Четверг после 12 Евангелий хулиганы нападали на богомольцев с палками, выбивали фонарики из рук.)

Я еще сам хорошо помню, как в 20-е годы многие старые деревенские люди уверенно объясняли:

29
Крестьяне обсуждают события в «верхах». Весна 1917 года.

— Смута послана нам за то, что народ Бога забыл.

И я думаю, что это привременное народное объяснение уже глубже всего того, что мы можем достичь и к концу XX века самыми научными изысканиями.

И даже — еще шире. При таком объяснении не приходится удивляться, что российская революция (с ее последствиями) оказалась событием не российского масштаба, но открыла собою всю историю міра XX века — как французская открыла XIX век Европы, — смоделировала и подтолкнула все существенное, что потом везде произойдет. В нашей незрелой и даже несостоявшейся февральской демократии пророчески проказалась вся близкая слабость демократий процветающих — их ослепленная безумная попятность перед крайними видами социализма, их неумелая беззащитность против террора.

Теперь мы видим, что весь XX век есть растянутая на мір та же революция.

Это должно было грянуть над всем обезбожевшим человечеством. Это имело всепланетный смысл, если не космический.

Могло бы, воля Божья, начаться и не с России. Но и у нас хватало грехов и безбожия.

В Константинополе, под первое свое эмигрантское Рождество, взмолился отец Сергий (Булгаков):

«За что и почему Россия отвержена Богом, обречена на гниение и умирание? Грехи наши тяжелы, но не так, чтобы объяснить судьбы, единственные в Истории. Такой судьбы и Россия не заслужила, она как агнец, несущий бремя грехов европейского міра. Здесь тайна, верою надо склониться».

Февральские деятели, без боя, поспешно сдав страну, почти все уцелели, хлынули в эмиграцию и все были значительного словесного развития — и это дало им возможность потом десятилетиями изображать свой распад как торжество свободного духа. Очень помогло им и то, что грязный цвет Февраля все же оказался светлей черного злодейства коммунистов. Однако если оценивать февральскую атмосферу саму по себе, а не в сравнении с октябрьской, то надо сказать — и, я думаю, в «Красном Колесе» будет достаточно показано: она была духовно омерзительна, она с первых часов ввела и озлобление нравов и коллективную диктатуру над независимым мнением (стадо), идеи ее были плоски, а руководители ничтожны.

Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошел как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания. Через наших высших представителей мы как нация потерпели духовный крах. У русского духа не хватило стойкости к испытаниям.

Тут, быстротечно, сказалась модель опять-таки мирового развития. Процесс померкания национального сознания перед лицом всеобщего «прогресса» происходил и на Западе, но — плавно, но — столетиями, и развязка еще впереди.
1980–1983

° 30
Поезд дальше не пойдет.